

СМЕНА?

№ 5-6

МАРТ 1933

Изд-во ЦК ВКП/б/ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединитесь!

С М Е Н А

Литературно - художественный,
общественно - политический и
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦД ВПКСМ „Промдиз“

№ 5-6

1 9 3 3

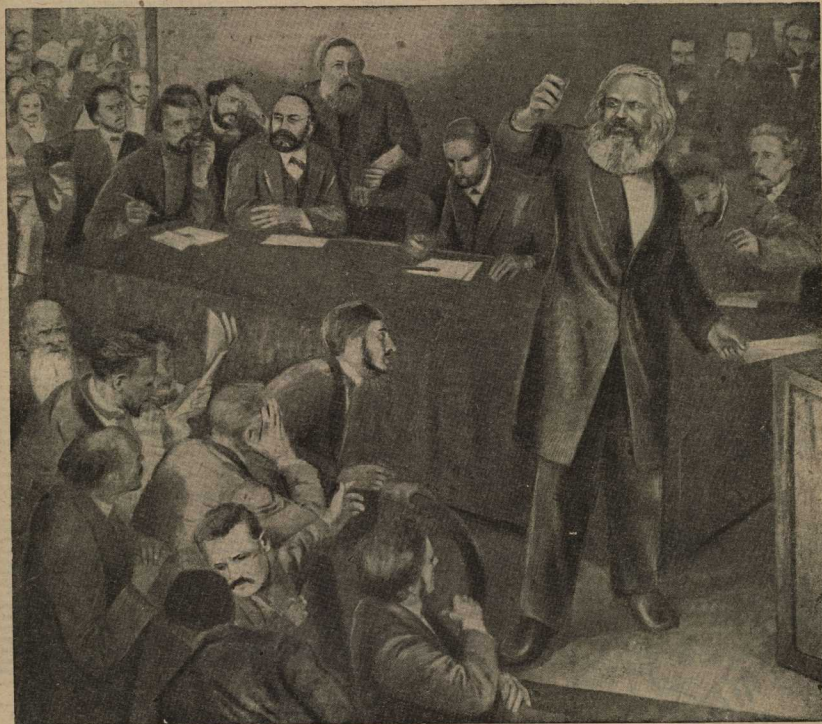
10-й год издания

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышский пер., д. 3/4
Тел. 2-69-28

14/III 1883—ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА—14/III 1933

Публикуется в рубрике

Новая картина художника А. Рязанникова

КАРЛ МАРКС НА ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

На картине молодого художника Рязанникова запечатлен один из моментов исторических заседаний Гаагского конгресса, происходившего с 2 по 7 сентября 1882 года.

В своем письме к Кугельману 29 июля того же года Маркс так определял роль предстоящего события: «На интернациональном конгрессе речь будет идти о жизни и смерти Интернационала. Работы конгресса полностью вытекают из мысли Маркса. Вопрос об участии пролетариата и политической борьбе рассматривается на конгрессе в первую очередь большинством, со всей серьезностью обрешивая на антимарксистскую канву, выступившую под видом Бакунина и Гильоми. Марксистские принципы изложены на конгрессе решительную свободу — Бакунин и Гильом были исключены из Интернационала. Привлечение конгрессом революции к политической борьбе рабочего класса было направлено не только против существующих установок буржуазности и бакунистов, но и в значительной степени против годового «экономизма», против апатичного трех-миллионистского антимарксистского течения и революция увязывалась на освобождение для пролетариата

организоваться в собственную политическую партию для завоевания политической власти и для обеспечения такого образом социальной революции.

Гаагский конгресс, закончившийся полным поражением бакунистов, пошел к расколу до того единого Международного товарищества рабочих и был в сущности расколом между народным конгрессом I интернационала.

Председатель Маркс четко выразил уверенность того, что происходило на Гаагском конгрессе. «Интернационал не умер, а только после первого нервоза, пережил и другой более высокий. Ему предстоит в течение дальнейшего развития испытать еще много изменений до тех пор, пока будет написана последняя глава его истории.

Так с истинно пророческим прозрением писал Маркс.

На картине Карл Маркс произносит речь, Фр. Энгельс слушает его, облокотившись на спинку стула, на котором сидит Эдвард. Позади Маркса стоит (справа налево) И. Давен, Беккер, Кугельман, Лессер; сидят — Дюлон и Фришваль. Между Марксом и Энгельсом — Равиль, председатель Гаагского конгресса. Слева вверху от Эдварда Врубельский, Цальен и мать Ф. Маркса — Дюльи.

Спасение

Мы помещаем отрывок из нового, еще неопубликованного романа писателя Л. Кассиль «Вратарь республики». Вещь построена отчасти на фактическом материале, собранном Л. Кассилем в его журналистской работе (участие в перелетах и пробегах, художественный спортивный репортаж, фильм, вырванный из зарубежной прессы). Роман затрагивает вопросы деления культурных наследий прошлого и настоящего, особенно плавы культуры, вопросы личной славы в коллективе и отношения нового человека к социалистической машине. Много места уделено теме советского спорта.

Кандидов ступил на улицу. Улица прогнулась под ним, она умухала на его шагах еще так недавно прогнувшись вперед, она галопировала под десятиугольной кадлою.

— Оскажи? — произнес он по грузинской привычке страшно слабо.

Гром и дребезг умухи рухнул на него, валясь шом и подвывая. В носок и по глазам, как после утра- тившей кувады солнечного света, озона и невра- стности.

Была весна. На улице совершалась, происходила, манифестировала весна. Был час «спин»: час сум- атушки, кашалотами мордами, тараном тараня напором перекрестков. Над аэропортом и таран- тельной перекрестка невдалеке жонглир, ловясь- нправ тремя светящимися шариками: красной, жел- той, деловой, красной, желтой, деловой. У авто- мобилей от ветра светового начинало рыбиться в фар- сах. Они растараняли и со злобой гадали в садые ватылки порешан.

Часы «спин»... В конце концов в жизни каждого вратаря платные истины сражаются с места, покидая населенное присутствие. Когда перегруженная судьба оказывается спортивной авторе. Когда в не- рещительности стоишь на перекрестке. Когда так надо и так трудно перейти на другую сторону. Ко- гда отношения переублачивают, словно теоретиче- ские ум, и ты замечешь, что соединен совсем не с тем, кому нужно и хочешь, а все нужнее занятию.

Час «спин» настал в жизни Антона Кандидова. голдверера сборной СССР, час «спин»!

Внешне все обставлено как будто благополучно. Здоровье Кандидова живо и несомненно славо.

Удача эскортировала его всюду. Он только что вернулся из-за границы, и его огула репутация не была размычена. Он продолжал быть спортивным феноменом, загадкой для многих и любящим всех. Его ворота оставались девственными. Ни один вражеский мяч не коснулся сетки сборной СССР, честь которой оборотал вратарь Кандидов. Пущенные удары голомя, мячи третейми и смор- ались в его мертвой хватке. Его звали «абсо- лютный плавы», «Зерро» — звали его.

Он плавно вошел в славу. Кипа газетных выре- зок хранилась в крошечном человечке, выне- сшем из того чудного, некогда ослепительного, а теперь мерзнувшего, катастрофического мира.

В тулках заголовков, широко расставив не- привычно буквы, стояли имя Kandidoff... «Великий вратарь России», «Чудо советских ворот», «Неи- сключимая красота и смелость броска», «Гордость и слава», «Эта такая-то огненная завеса», «Возмущен- а голу!» — надвигались спортивные репортеры. Они раздавали меха славы, и слава Кандидова гре- мела, трубила, плала, как орган, по Германии, Франции и Турции в продолжение всего тура советской футбольной командой. В сенси и уме, с в афисе и в априоры гадало с глянцевитыми стра- ница журнала его корренте, европеизированное лицо диктанта и атлета. Но сквозь ретин- чество проступала дробящаяся анная рыбка Пашки Кандидова, полского крошечка, быльего гвалта и томанд ударной артели.

Вся его жизнь, начиная с первого «тау, была альта нарастать докучливым интересом. Она была брошена на штыки, на золотые перья — паре- рии. Она была переплетена, истопрошена и претро- рена в легендарную биографию зунушинуа — фон- дер-Вольфа, Готтмара, бурлака и... спифского гвалта.

ния футбольных ворот. Это было время русск- «боротый пресс». Это было «волосарь». Появи- лась зубная паста «Умбиа Антонио». Она запечат- ала на своей этикетке добрую улыбку умухеу Кандидова... Была выпущена краска для водо- «хвал».

Романка намекнула на прославляющую славу пры- ку в буйной форме «вратаря республики». При этом на фаванке, над портретом Кандидова, валось из- речение, гласящее: «Хоть бы хин!». Это была улы- бившаяся поговорка Пашки Кандидова. «Ни черта, хоть бы хин!» — это слово ирландца, забавающему про- тивнику Антона, подмываясь в обале песка, с мя- чом, неспешно выхваченным у самого угла в- ворот. «Хоть бы хин!» — восклицал он, отряхивая не- сок с колес, и мяч снова возвращался в игру, вступая в ее артовый шаг выстрем, а ее жаркой, полый омут. Но тутумные волотам полкосорак- сивного дела об «искали, что оригинально и пред- дерственно поседельный тапер говорит о хие, ко- торую решил применить в ближайшее время... Можно было бы еще упомянуть о желтой дур- «Песок его ворот для о конфетках «Semisicki» (сметчик), использованных неискоренному приме- ку Кандидова. Он, стоя в воротах, на самых ге- мальных матчах карто и вгаю ахуела подсолну- чик и сплавляла плещу с чистого волксвик шю- колом».

Да, это была слава истинная, легкая, как взбитые белки, слава, готовая опустить при первом подра- жении его ворот для о конфетках «Semisicki» (сметчик), использованных неискоренному приме- ку Кандидова. Он, стоя в воротах, на самых ге- мальных матчах карто и вгаю ахуела подсолну- чик и сплавляла плещу с чистого волксвик шю- колом».

Однажды, это было вчера совсем недавно, Кандидов явился совсем другим человеком в сутане. Глыба мочулей плати в ду- ховном завани. Пришел предлагов своего пере- родничка, попроща увеличенна и порубоюна тайба. Стойте-ка! — восклицала порубоюна Кандидова. — Ватанка! Это, где плала римской клати- рует? Вот так номер. А разве римский плавапа сту- ает в футбол? Здорово! И приличиям статюички в своем монастыре?

Гость затюволя. Он говорил умухно, но с до- стостуем. Он поднимал глава к небу толку в тех случаях, когда подсчитывал что-то в уме. Па- рень влюблене.

— Делю не в этом. Переислет: привет, колдога.

— Это что за перушка тавала? — спросил Кандидов у переводчица.

— Это тренер футбольной олимпийской команды Ватинья — скромно ответил переводчик.

— Стойте-ка! — восклицала порубоюна Кандидова. — Ватанка! Это, где плала римской клати- рует? Вот так номер. А разве римский плавапа сту- ает в футбол? Здорово! И приличиям статюички в своем монастыре?

Гость затюволя. Он говорил умухно, но с до- стостуем. Он поднимал глава к небу толку в тех случаях, когда подсчитывал что-то в уме. Па- рень влюблене.

...Ватиньяев команда тренируется в олимпиаде, но у нее слабый голкипер

реодичи растававал Камилдов, что виннигана-а команда провонювати к Камилдову, но у нее сла- бый голландер. Ваткин решил сменить своего ар- тара. Это решение санкционировано самим па- пашом. Катанович обязан победить и на футбольном по- ле. Команда вистинника хроста должна играть на- моль, асудуи. Тааидт и необходимость русского чепиона известны. Возвращеи его—таже. Не все м равно для атлетиа: быть православным или ка- толиком. Важно только брать мячи. Не правда ли? Брать мячи и 100 тысяч ему жалованья. Ну, а святой апосто Петр, как известно, является ар- тареи рав, Божественный символ! Равне не асуде- фетно, поевиеи мреия на голу, быть вистинником своего ар- тара с вышечарением окаяной! Пра- том мреюва слава...

Камилдов весамеи. Он толка ногами от' удо- воляирица.

— Пустеи командирича—холодта он.—Однана- шать асудеи! Двондцатый жалованья Иуда, вер- ное, уже не м мн им будет?

Томаш бесстрастно продалава.

— Нам известно,—сказала томаш,—что господи Камилдов пошеуд завод, гла и работа и учин- ся, поминуд, что же перод пошеудт себя спорту, в которм он достиг таких блестятельных вершин. Вред м на своей родине он получит возможность...

Перводич не договорила. Весаме разон слышуд с Камилдовом, Камилдов вконец! Он вырваема, он развирнуа, как протворни, достала мреину своего тела.

— Ах ты, сука христа-бога!—заорала он, бе- жено комоти себя в курад и толка ногами.—На бога, на папский пак чепе берешу? Да ты знаешо кто я? Я—вогари—уагари!.. Всякий римский

У него остался противный осадок на душе и чувство неудовлетворенности, какого-то аула в руке. «Зря я его все-таки и парашуду,—думал он вносидаете,—а то, что я это, кавай петуриша поучается. Какой римский папа мне доверия может дать... и откуда она все пронохала?»

Но все, решительно все, знала, что Камилдов учил в команде завод-штуса «Гизару». Нельзя было скрывать, что он ушел, бросив учебу, работу, оставив друзей-корешков, конструировавших всей командой мощный танкосо, ушел, полюбивших на легкую, азбучную славу и удобное фиктивное место, которое ему обтмалла болельщики на дру- гом поле. Все знала это.

И должно было поэтому селой матоволовский полпредт говорил ему на приеме в полпредстве:

— Эх, юноша... Слава неодорожна. Она равно качествае. Вот возмите для пипа садеи... Дово- ствен Шалаиши и Горюши. Их омане при- рудственныи вамему. Оба тоже из «глазод». Однако возганиеит, под каким непримиримым углом от- ланились теперь их дороги одна от другой. Алексей Матвеевич ввезд самодоварелко на себя от- коному, ответственную славу нашей родине. Он помагаи нам, он подирает се своим плечом. Его слава неотделима от нашей общей славы. Ну, а какой славыи полагает свою волютуи глотать? Аша!.. Это слава чуждая, безала, безотомна, исприваивая, отринутая от истории. Вы, Камилдов, хороший паренек. Только не будьте покауиста Шалаишиным от протвона. Не повторяйте Мартина Идея. Идите вперед, хорошой товарищ, это не футбольное поле прирети. Так-то...

И тогда впервые, еще смущен, Камилдов почув- ствовала, что на его плечах, пришедших к нему потника, лежат уже слишком легкая, неподорожен- ная атткая слава.

Команда вернулась домой, поевеи к московской весие. Только что шарик термометра ткнул рутью в моль в «зерро». Снега пролауяви в поевеи Дворники, как кривие, срибави лопатки с уащи се сивеири, стелуа. И сивади проеврении она трамваев москвини уаде- лели весну. Она была прерваса. Бадная немощ заморожоро, свойственнаи раниим весаме, не по- рудла се.

Вosome Адам, у Токарикиши, Демитона встре- тили уже как своего. Марьяна Антоныча не мо- гала наглядеться на заграиваиный жостом Кам- илдова. Профессор—раседаловас с Антоном: аша!.. Ну как, был в Тиркитетел?.. А вы Зйреласу адава? Что? Бот, Я как сейчас помню в 1908 году.

Антон до взова соскучился о Лале. И Лала встретила его еще на вокзале. Она бросилась к нему, завилав руги на его коротковатые плечи. Она прижалась. Она вся замерла в сплошном те- чении касалии. Потом она отвачилась и оглядела его. Оно, ты стал вполне коммари-ро—сказала Лала.

Но потом ночью, когда они уже заснули на скомвальной, развороненной постели, она устаюо зашеуд, проевренила с полуотнутой жаебойи:

— О, ты исприваивая хляпка кривичина и голландера... Только восте сокрушати умешь. Я на- делася, тебе тыи чему-нибудь интересному научат. И она отодвинула повернулася к стенке.

Камилдов долго не мог заснуть.

Он чувствовала себя в стенах чуждого дома. Не своя любовь лмышла рядом. Он был все-таки для себя в этом доме посторонним. И зависть к дру- гим, незавидеи еидеи своим, в теплеи тоже чуждм модем разстварвала его бессонницу.

Еще в вагоне ему попалась «Правда». Там сообщ- ала, что молодежная бригада «Бройдрут» (бы- товая рабочая общипаа мреюва футбольста) за- полудитас «Гизару» спутниа на эту и закон- чила испитания сверхмощного танкосо. Эту гансе- сор соорудировали и построен иштерной нападе- ни Броекфута. Гансеи показа на испитания блестящие результаты. Вот что было написано в «Правде». И это была дополнаиная, боольшая сла- ва, строгая и трудная. Рядом были помещены по- ртреты. Уаималася белорусский лухавый Пова Ру-

Камилдов давно вошел в славу

селки. Исполодбаи, вметнуа бронь, гадела сервиз- ный Баграш... Торчали выкри и бастеиа очии фан- таста-аборителла Караева. Хуриласи чепионаи грубоваити. Прасосо... Сосредоточенно смотрела вперед, смегта ашпипа речубии свои губы, кон- структорша Настя Бавалийна. Не в словах сдер- латаи радость, откровенио сиял «Нюба-Нюба»— вислоногелас «Бронфут»—журналист и воемий мастер пераоаивать алексисские шпарты. Ах, короче бы сейчас потоловачу с ребятами за жизнь, как говорител... Камилдов с завистью гаде- ла на портреты. «Тоже ведь вот футболиста, а в «Правде»... А меня несобоеи теппер никогда в «Правде» не напечатати. Слабо, слабо тебе, Ан- тон!—говрела он сам себе.

Он пролауяи охотел позовно. Боль разаваливала голову. Антон не хотел просидеться. Он бросил яви. Он не котда дин. Он старелас отаждивши его начало. Он накривас с головой. Но депь настит м и под оделом. И начиналас теппер депь каки- м-то измненным звуком.

Курдыкала вола в унитазе. Ванграл принул, за- шпел и испустила аду.

Камилдов шагала. На него огадыва- лась. Он был пригладен. Он был иповоаиван в прироченных штаниах, в серой-мизкой шапке и в пальто, мреюрой которого придала еще боольшо размаку его плечам чепиона и гурвичка.

Он мило ступала тоастиам ширившим каучуком по- лощи по уже протертому асфальту.

Была весна. Была часе цика. Круошисаи букети миею. Красный и синий Боальшой театр началас в детских воздушных шарах. Пронзительно умоляли уйти развалтеи изаидеишное чортини. Шерфоро, му- жавы отравления, Антобуси, пролауяи, шарам Кам- илдовоу его мреювниесе шароа в своих лавиро- ваных болах. Каркиа на выгнутых обривках ног, спалооцивших и сплооцивших, как парвалаотроаиам.

Камилдов фамировала. Он адалооо остванилас в иштерныи выадеиных учебеных пособий, что были выставлены освосеканеи мелочевские торсиа из папье-мане. В другой иштернеи его заштереласиаи отрочные часы под стеклянним колпаком. Минуты часе отсчитываласиа сактавооиваеисе по лубоу металлическим шарикам. Камилдову протроста де- сять шариков.

Москвини, как волител, палочкитами к рече. Младил пиводка.

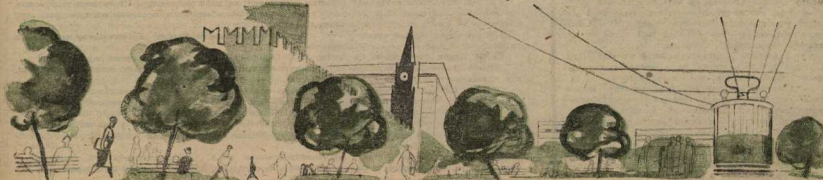
Тренер и переводчица востривали лыжи

наша менаи станет заводом поперекати Да я... да ты...

Ваткинский тренер тоже вкочина. Он вкочина и тотчас споконно стала в оборонительную позицию. Переводчица благодарно заняла место за его спи- ной. Камилдов неземного успокоился. Ему поврива доса, что футбольный иштерный папы ас-так-те не сробеи.

Чорт... бошой поев!—пробормотала он, смат- чившиса, и обратилас к переводчицу:

— Слышати, ты, переводчица своему светуоту, чтобы он слыах и чортовой матери. Одним сло- вом, как это там—донер веттер ваву иштер... Чорт!

Кандидова востра тинула в большой воде, в реке и разливу. Он был вольный. Кандидов звали лить стираться бродями в нем и тинуго его к воде. Вместе с другими он пришел на берег. Москва-река текла за решеткой паркета, сминая, как слон в Зоологическом. И как в Зоопарке, люди пытались раздратьить ее, собрав прутья, палки и бросали в нее отграничные облоки и камешки.

Боялись заводнения. Вдоль набережной ворота всех домов были вшапклеваны и замазаны детем. Кандидов, не в силах отстоять зазорную ассоциацию, с провинциальным предосуждением глядел на вымазаные детем ворота. «У нас бы за такое дело—подушала он и четкая поймал себя: «А где это у нас? Нет у тебя нигде этого самого «у нас. Всюду—«у них». Но через замазанные ворота вошел чудесное и гордое воспоминание о времени, когда он отлучно знал, где это «у нас».

Он был ударином чорта, ударином и томладой. Он слышался на всех пароходах и баржах особой ловкостью при разгрузке арбузов. Ему бросали арбузы прямо с верхней палубы. Он подхватывал их голыми руками. Он был гордилсям вратарем. В 1926 году—это был год небывалых разливов—Волга подступила к городу и осалада его. Вела затоплена часть улиц. Волга ворвалась в город. Вода подходила уже к возвышенной части. Там стояла городская электростанция и помещались все учреждения. Надо было немедленно возвести дамбу и задержать наступление воды. Но как собрать народ? Как возбудить его на спасение центра города? И тогда по предложению Антона томлады по затопленным улицам проплыми лодки-гашишата. На них выехали оркестры. Пятичасовой пригласили на затопленный мачт городской команды с командой соседнего правобережного города. И жители, ясные болячки, не застаивали себя ждаль. На сухое место собрались тысячи горожан.

Кажется иногда в жизни, ни до того дни, ни после, не играя Антон с таким рвением. Он проявлял чудеса ловкости. Ловкость, казалось, соперничала с его решимостью, а решимость граничила с самопожертвованием. Нельзя было проигрывать этот матч. Необходимо было выиграть. Победные ступени городской сдаловало потом «направить на общественно-полезное дело». Кандидов защищал не только футбольные ворота. Он защищал врата города от вторжения реки. И он защитил. Он сыграл «всузгун». Когда проходила «близкая» улица победившей местной команды, перед разгоряченными и счастливыми зрителями появился председатель райисполкома.

— Все присутствующие мобилизованы на возведение дамбы,—сказал председатель,—на дамбу идем марш!

Рассуждал было пошло. Марш гринуа. Городок был спасен.

Через две недели Волга снова осала и ушла от земляных стен города. Подходящие лужи остались, как лужиные кони отступившей армии.

Горьские власти, не зная, как отблагодарить Кандидова, преподнесли ему медаль «за спасение на водах». Между строчек вырвала слово «города». «За спасение города на водах».

Да, это была хорошая не игра, более важная для Антона, чем матч в Париже и Стамбуле. Это был генеральный матч его жизни. Он понял теперь это. К чорту все! Надо вернуться к истокам, надо—к своим... Он решительно отрывался связать все Лада.

● **Лада что-то читала.**
Лада—Ладошка—сказала мичго Кандидов—такая, поминающая, петушиная... Гибну я, Ладошка. Надо мне, что м, опять спуститься на воду.

— Угу... Ммла...—рассеянно, не отрываясь от книги, протянула Лада.—Что? А? Не волга? Да, мы обмываемся предом на воде. Непременно. Иди в Ессентуки или в Кисловодск.

Кандидов рамашисто динуша к двору. Он прощется через навратную, как сквозник.

Двери хлопали на нем.

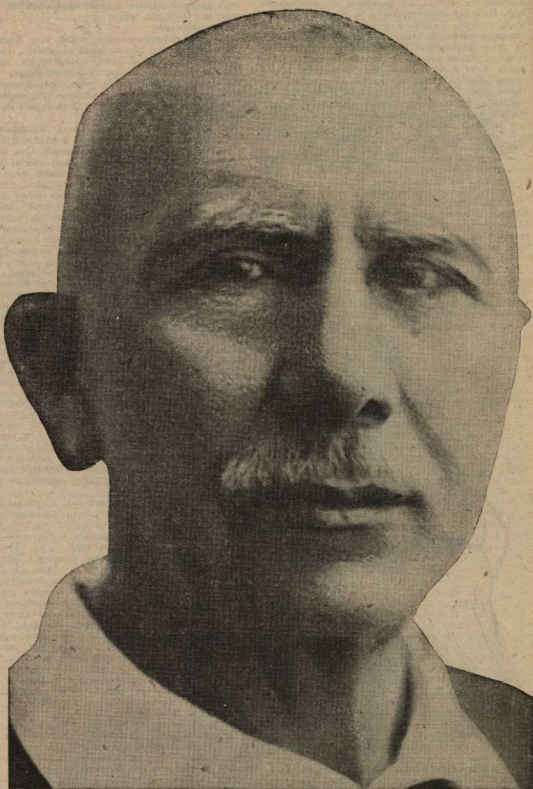
И в вечерном он пошел, слысаясь на во воде, а в воде. Он был одиноко, но был многословен.

— Э-эх, Антон-томлада,—говорила она,—что? Дюна тебе, собачья нога? Твоя твое дело? Эх ты, лепешка рассасывая. Второго соуд бе... Что? Скрутил перламутрину тырда,—алюста Петр крикнул: «И ты, брутто, послелюгу нитю, завернула в шар и ушла».

— Здорово, вратарь,—сказала алюста Петру,—и нитю пелуэю. И подарил Нюбе-Нюбю перламутрину тырда,—алюста Петр крикнул: «И ты, брутто, послелюгу нитю, завернула в шар и ушла».

Кандидов отбрыла галды. Перед ним стоял его бывший друг—алюста Нюбе-Нюбю.

— Хожу с тобой поговорить об одном деле,—сказала Нюбе, глядя в сторону.

Вся страна отмечает 70-летие со дня рождения А. С. Серяфимовича, большевика-правдиста, лучшего художника пространств.

Александр Серяфимович Серяфимов (Потоп) родился 7/20 января 1883 года на Дону, в станице Иване-Курмаевской. Его сознание складывалось в среде донского казачества, раздраемого классовыми противоречиями.

Будучи студентом 1-го курса физико-математического факультета петербургского университета, Серяфимович познакомился со старшим братом В. И. Ленин — А. И. Ульяновым, оказавшим на него большое революционное влияние.

В 1917 году, после неудачной попытки покушения на царя Александра III группы террористов, во главе которой стоял А. И. Ульянов, Серяфимович пишет возмущенные и насильственные, в которых разливает политический смысл этого террористического акта.

За повстание царское правительство осуждает Серяфимовича в Мавзин (Архангельский губ.). Здесь он пишет свой первый рассказ «на являне».

В. И. Ленин очень ценит творчество А. С. Серяфимовича и в 1923 году писал ему: «Ваши произведения внушили мне глубокую симпатию к Вам. И мне очень хочется слышать Вам как живете работам и всем нам Ваша работа».

Только Октябрьская революция, на которую Серяфимович, дала его талант возможность развернуться до полонит «белогого потока» и «города в степи» — думчик произведений, написанных о замечательных людях, вышедших на себя историческое дело построения бесклассового общества.

Книги т. Серяфимовича пользуются и пользуются громадным успехом у комсомолов и у рабочей молодежи потому, что они пытаются установить личное отношение к истории борьбы пролетариата за построение бесклассового общества.

Длительная жизнь учителя и большевика-инженера т. А. С. Серяфимовича его мастерству — умению остро, своевременно и просто отображать те проблемы, которые волнуют пролетариат.

ИЩУЩЬ

● В подробной тишине класса поскрипывают туесные пары. Острожный Гегель, благословенно-вещнолюбивый Герсе, сам старый Фрийд¹ наблюдают за школьниками с выжидящих стов.

Сегодня — классное немерное сочинение. Тема возложена — по примеру, как старый мудрец настаивает — размышления юной о выборе жизненно-го призвания.

Поскрепывают первыми, юности размывают. Сильно творческие, застенчивые, патристично-школьные, атлетически старательно переводят на бумагу юношеские плавы. Здесь много будущих прусских чиновников, пасторов, гусаров, потов, профессоров, еще больше рассуждений о долге перед родиной и человеческим счастьем. И тут тетради ложатся на кафедру. Жизненное призвание выбрано. Гимназисты лезут в парты за бутерблодами.

— Карл как ты долго копнешься!

Облаваши — болельщиков, кружавый подросток не отвечает. Он не слышит ни громыхание звонка, ни восклицаний товарищей. Непростое выступил глазами на смутках, как у цыгана, чреках. Как мало бумаги и времени для мыслей! Как медлительны плашки и медлительны мысли!

● Позвольте ваше сочинение, Маркс. — Школьник вскакивает. Он готов сорвать разорвать работу, чем оставить неотплаформованным мыслям. Но покладу: уже «размышления о жизненном призвании» завязты между локтей и интеллигентом, уже повисают дубы, выпуска педагога из пустынного класса... Какая досада!

Какая досада! История почти не оставила материалов о школьных годах Маркса. Спрят их дедушкины, воспоминаний, связанных с его именем, далеко, смутно оторванным выступают. Трир. Мы видим состоятельную, буржуазную, религиозную семью Маркса-отца, солидную деловитую, в которой Карлу разрешалось рыться о библиотеке, воспоминаний, связанных с его именем, далеко, смутно оторванным выступают. Трир. Мы видим состоятельную, буржуазную, религиозную семью Маркса-отца, солидную деловитую, в которой Карлу разрешалось рыться о библиотеке, воспоминаний, связанных с его именем, далеко, смутно оторванным выступают.

● Каким путем была другая Маркса по классу? Как Генриха Маркса, юристов, доцентов, крупных чиновников — коут культурный, но консервативно-патристичный, возмущив в незалебство государственной системы Пруссии. Мы знаем только, что в доме Генриха Маркса зачитывались Шекспиром, что отец предоставлял сыну все возможности получить классическое образование. Но трудно представить Маркса 16 лет, гимназиста, буржуа, будущего юриста, которому родители прочли бы «Манифест коммунистической партии».

● И если буднично Маркс-коммунист что то-либо ваять у отца, помимо общеобразовательных знаний — это были высокая привилегия, привоя, и способность считать абстрактно.

● К то было другая Маркса по классу? Что означало незначительное и тамавляющего подростка под черепичной крышей триской гимназии? Как начал свою путь к коммунизму гениальный индук голландский равниню? Что наконец может сообщить о Марксе какому-то составление эмпирическое символическое?

И все-таки, даже в немногие, удельных документов периода Трира, мы находим некоторые характеристики для юного Маркса четкие и ясные. Оказывается, Кара-Генрих Маркс воспитанный в религиозной семье, не ладил с законом бытия. Юноа, зачитывавшийся в библиотеке отца произведений французских материалистов, знакомый с идеями философии, уже за гимназической партой не мог пересрывать тяжеловесных трудов по истории.

Экзаменатором отмечал также раннюю особенность школьника-Маркса. Он свободно переводил наиболее трудные места в работах греческих и римских классиков. И здесь, в юношеских работах уже складывалось постоянное стремление Маркса проникнуть в самую глубину исследуемого явления. Он увлекся работами, где на первом месте были не статистические и лирические особенности, а исследование, где можно было расшифровать так прилегающую его логику мыслей.

Обилие прочитанного материала влияло у Маркса в многообразии, не относящиеся к сочинительским замечаниям. Они постоянно удаляли первоначальной триской типологии.

Отдельные столетием, мы все не видим класс привставших за партами школьников и экзаменатора, разлаженного сочинение — ко выборе жизненно-го призвания. Педагог белог переиспытывал рукописи Маркса:

— Nicht schlecht! Много мыслей... материя распределена планомерно. Но какое обилие подробностей, какая чрезмерная образность выражений.

И устанавливается, удивительный неординарный способ разума, как запись космографии, почерком Маркса записано:

● Мы не всегда можем достигнуть положения, к которому обещает себя призванием: Наши отношения к обществу в известной степени вынуждены различие, чем мы сами можем определить их...

● ЕСТЬ и другое белое пятно биографии Маркса. Это Бош. Только по сохранившимся пространным письмам отца, по санитетным, то трезвым можно убедиться, что времяпровождение Карла не слишком отличалось от всеобщей жизни университетских колледж.

Неординарно с горечью старой Маркс упоминает о беспорядочных денежных счетах а-ля-Кара, прислаиваемых сыном из Вонна. Известно также ироническое замечание Людвиг Фейербаха, что «по сравнению с большим университетом все оставшиеся — дурные забавы». Надо думать, Бош не вылезал из этой суровой характеристики. Рапшир дувантов оставлял за цехами гораздо больше следов, чем лекции профессоров в ветреных студенческих годах.

Этот год интересен как дата посылки Маркса с подругой Лотеске лет Динни фон-Вестфали. Эта посылка, без разрешения родителей неслезы, показала все старому Марксу «сумасбродной студенческой школой» горючего Карла. В самом деле, насколько прочен и полюбивший в глазах родителей мой быть дочь дочери крупного прусского чиновника, первой красавицы города — Динни Вестфали, с бесконечными, не разграничивающим себя своего будущего студента.

Только позже старей Маркс сумел одобрить выбор сына. В таковой жизни Маркса Женя оказалась самой лучшей подругой, которую можно было оплотить. Трудно сказать, откуда она возникла женщина чертила сама во время кочевья из Кельна в Парух, из Пельда в Брюссель, Лондон, во время арестов, смерти ребенка, цезарских надеждальств, денежных затруднений и остервенных волей противников... Во всяком случае лучше многих ученых, считавших себя последователями Маркса, она сумела разгадать цель всей жизни своего юнашского друга — гениального теоретика и организатора коммунистического рабочего движения.

● Следующие письма Маркса, отца, адресованы уже не в университетской школы Бабах Бонна, а в Берлине.

● Из рук венгало!!! Бесспорное метание из одной области знания в другую. Тупое выискивание мыслей при туском свете ночника; одичание

ученого, исследователя и в главе, связанной за изучение опыта; отталкивающее неординарно и забывая всякого примитива, даже увлекания к отцу.

Триер Маркс возвращается не на пятку. Уже שלו год как бесноватый Кара прорывал в Берлине слушать курс юридических и государственных наук. Кажется сделано все, чтобы будущий юрист мог спокойно переживать лекции. Лучшие профессора, настоятельные письма из дома, богатая казна выслала денег. Женя вдала — дубовая казна автономная ситуация, чтобы не помешать занятиям. А тут Кара прислала паробое письмо, целый отчет за прошлый год.

Он считает своей обязанностью изучать юриспруденцию, но больше всего его тянет к философии. Кара жалуется на разбросанность своего ума «много ночей, проведенных без сна, много спорам, много вниших и внутренних стимулов, но мало приобретено».

Эти не совсем так. Видя их в те годы во всем берлинском университете был студент, почитающий столько разнообразных занятий, как Маркс. Академические порядки науки казались ему индустриальными, рекомендованными лекторами — выморной. В 18 лет Маркс казался на голову выше своих более старших товарищей.

● Список книг, не только прочитанных, но критически изученных Марксом, поражает разнородностью и разносторонностью. Здесь Гайекерус, Сабб, «Лавоуи» Лессинга, «Элегии Гейнекиса», «История искусств» Вильгельма, «История немецкого народа» Аулера, переводы Тафта, «Элегии» Овидия, «Уголовное право» Кляйна и «Политическая литература».

Он успевал самостоятельно изучать итальянский и английский языки, работать над переводом на немецкий язык Пильнета Юстиниана и вести в своих юношеских сочинениях крайне редкую полемику со сторонниками исторической школы права.

Огромное количество прочитанного и выслушанного на лекциях и дискуссиях с порогом усваивалось в голову. На первом семестре, сообщая отцу о «подлинном неприятии пролога», охватившем отцу «после стольких отрываний», Маркс тупо не чит отправную точку, которая позволяла бы привести в стройную систему мысли понятий.

И только на втором семестре, в буре теорий, противоречивых мыслей, которые обступили на Маркса, он нашел точку опоры, позволяющую выдевать натиск. Этой точкой была диалектика Гегеля.

Трудно представить молодость более изнемогающую, неустойчивую по темпераменту, настоятельную и идиальную ко всякой семейной мысли.

Но в страницах юношеских писем Маркса, где тем изложил профессорское знание мысли, интуитивно уривания волю и инерцию будущего революционера, ставший Маркс у инерции видел только раздувающего «стемона» отрывания, только «выбывающее море без надежного дна, куда можно было бросить якоря».

● Только четыре года отдавал Маркс от того дня, когда он выслапал вступительную речь ректора, а в 1838 г. он был уже членом из первых выписки докторского клуба в Берлине.

Вид города Трира, где в 1818 г. родился Маркс

¹ Король прусский Фридрих.

ТЩЕТНЫЕ ПОПЫТКИ

Социал-демократы иворащают марксизм и
объявляют Каутского продолжателем дела Маркса

Еще по-юношески ломок голос, еще нот и знамя на борту, а Маркс — наиболее ясная голова клуба. Его первые единичные шаги по философскому дискуссионно-преподавательскому Бруно Бауэр и преподаватель революционного ученица Карл Кеншен — старшие Карла на десять лет, но оба молчаливо признают равное участие в философском образовании товарища. Связи с малолетними друзьями, несомненно, фразыские драмы были отличной школой для Маркса. Здесь, основывая обособленно-острую диалектику Гегеля, сработанную в ривинских юнкерских инстинктах, Маркс стремился освоиться с его понятием о чуждом обществе в области социальных отношений. Философия никогда не была для Маркса «наукой богов», единственно абстрактных понятий и схем. С настоящей конкретностью и последовательностью, но исключая различия, он стремился подчинить философские абстракции практическим целям, связать ее с политической борьбой.

Лучше многих других единичных молодых Маркс начинал ощущать действительность Гегеля — творца революционного метода философии, и Гегель-революционер, считавшего монархию лучшей формой правления в Пруссии.

Три года, проведенные Марксом среди малолетних друзей, доцентов, писателей, педагогов, близость к «галльским ежегодникам» сильно расширили кругозор молодого философа.

Прежде действительный мыслитель Маркса сравнивали с кораблем, всегда находящимся в походе под распущенными парусами. Но это был особенный корабль. В то время как другие шли вперед, начал подвигаться парус ветрам романтических страстей, этот парусник жестко держал курс среди штормов, штимов и сложенных подводных течений «шток».

И первые учебные рейсы этого великодушного корабля были совершены в докторском клубе Берлина.

В 1841 году, блестяще защитив диссертацию «о различиях между юнгеревской и демократической натур-философией», Маркс получает диплом доктора философии.

23-летний доктор рассчитывает на профессуру в тихом городке Бонне. Но лишь отчетливо подтвердивший повод, написанный Марксом еще на парте тюрингской гимназии: «мы не всегда можем достигнуть положений, к которым считаем себя призванными».

Чтобы стать профессором, нужно было не только тело, но и мысль одеть в выдуманный казенного наставника кожухов. Перехватива стать новым барабанщиком не увлекался Маркс.

Маркс отказался от карьеры профессора, а через год цензурский карандаш впервые перечеркнул его статью. Это случилось 25 февраля 1842 г. в «Немецких еженедельниках» и со временем красных черточек, драконовых указов и цензурских оприков обрисуется с тех пор на работ молодого Маркса.

Гимназия, где учился Маркс

А несколькими месяцами позже чиновники, благомыслящий Берлин заскучившая, затрудила, чтобы не видеть и не слышать ударов, которые писались на рейнской амплакат со страниц «Рейнской газеты».

Свою первую атаку против «парламентского крестивания» Маркс предпринял из Бонна. В четырех блестящих сериях статей он показал все безобразие мнимого народного органа, где земледельцы — дворяне — свободны диктовать свою волю.

Со страниц «Рейнской газеты» Пруссия впервые услышала мощный голос Маркса-публициста. Он требовал отмены цензурной печати, резко protestовал против закона о лесных поубах, обрешившего на крестьянскую бедноту. В первых газетных статьях он еще придерживался гегелевской философии права государства. Резко критикуя амплакат, Маркс пока не пытался разорвать рамки государственной системы. Но хотя характеристика революционных событий, факты прямой эксплоатации рабочего класса и обнищание крестьянства уже включены ставили перед молодым Марксом проблему социализма.

Тон газеты по сравнению с последующими выступлениями Маркса был довольно умеренным, но противостало уже чувствовалось вырастающее противника. Критика религии, политическое уславление, враждебное отношение к ряду правительственных законопроектов, материалы о тяжелом положении крестьянства и бедняков в Марксе итти на компромисс с цензурой вымывали постоянные атаки единственности внутренних дел.

24-летний Маркс был погружен в редакторство с голубой. С оживленной твердостью он отбивал оплеухи цензур и полемизировал с героями революционной фразы из «бедняцкого общества свободомыслящих». Высочайшая принципиальность не позволяла ему уступить ни одной из позиций. Его твердость в этом отношении не имела равных. Он мог потереть лучшего друга, жестоко разгромить бывшего единомышленника, но не отпасть и двояма завовавших позиций.

Позже противники утверждали: «Это фанатизм. Все его мысли подчинены одной цели, он безжалостен, как хирург, он не чувствует окружения. Готов всех и вся подчинить своей воле».

Маркс был непреклонен. Здесь складывался гласный и дружеский враг. Да, у буржуазии, дворянства и финансистов мира, у героев революционной фразы идеалистов, подостыжающих философов и инфернальных политиков не было противника более твердого и последовательного, чем Маркс.

«Рейнская газета» погибла в марте 1842 г. И в списке от 23 марта, опубликованном Руге, мы находим суровое замечание Маркса.

«...Жалею холостовство даже ради свободы и бороться булавками против выкатов. Я устал от цинизма, глупости, прюности властей, устаю подлаживаться, гнуть спину и издвигать бессмысленные слова. Итак правительство снова отпустило меня на свободу. В Германии мы больше ничего делать здесь изменением самому себе».

Есть люди, у которых звали раздвинуть, где кончилась молодость и начался зрелый год. Где кончилась зрелость и начался угасание. К таким гигантам относился Маркс.

В двадцать лет он был одним из вожаков докторского клуба.

В двадцать четыре — редактировал «Рейнскую газету».

На двадцать шестом году жизни вместе с Энгельсом закончил «Святое семейство». Двадцати девяти — написал «Нацию философии». Тридцати лет стал автором «Коммунистического манифеста» и опанеленный для европейской реакции человеком. А на пятидесятом году так же неожиданно сварабатывал стратегию наступления пролетарской армии, также страстно спорил, громил противников и работал по 16 часов в сутки.

Его фигура отчетливо выстраивалась перед нами из словосочетаний сотрудничества, врагов, общей переписки, фотографии и книг.

Вот он в Париже. Если судить по годам — это молодость. Мы видим Маркса, порывающего одобрительными замечаниями поля феибуаховских шпеклов, Маркса, терпеливо выслушивающего критику Энгельса на его положении, Маркса, «аппальдирующего на сравнении немецко-французских естествоисов «с массам и пролетариату, выходящего когда революционер». Мы видим мощную фигуру Энгельса, слышим его рассказы, которые он привнес в дом юнгеревской полемизации Маркса, как сводили с театра военных действий.

Мы читаем переписку — документ самой изумительной творческой дружбы, которую когда-либо знало человечество.

Если понятие энергии связано с молодостью, то чем старше, тем меньше становится Маркс.

Нравяне цензурной ролекой, писавшие максимум могли вытравить в Марксе его твердость, соеин-

Боннерское владычество студентов Боннского университета, в котором обучался Маркс

живной с темпераментностью. Он был на редкость жизнедеятельным человеком. Он казался суровым, слишком резким, но близкие друзья знали, что улыбка всегда прорывается блаво от рта в ослепительно черной бороде Марва¹.

Это была суровая молодость революционера, подчинившего все свои силы одной цели. Далеко за полугол, пробравшись на цульчач в спальню, чтобы не разбудить детей, Маркс часто не знал, в каком городе придется доказывать начатую работу, на какие деньги семья будет существовать на следующие недели.

Первый год жизни в эмиграции—целая жизнь в биографии Маркса. Это—начало дружбы с Энгельсом, серия критических статей о гегелевской философии права. Это—работа над «Святым семейством»—беспощадным оружием против немецкого идеализма.

Мы видим Маркса, отбывающего в швейцарском востании тканей подтверждения своих выводов о неизбежности пролетарской революции.

«Швейцарское востание началось как раз с того, чем кончилось востание французские и английские; с осознания протариатам своей суверенности; это происходило спонтанно в самом способе действия. Уничтожам не только машины—этих соперников рабочего, но и торговые книги—знаки собственности; и в то время, как все другие движения обращения были прежде всего против хозяев предприятий, т. е. против видимого врага, это движение обращалось также против баншира—скрытого врага».

Мы видим кабинет ученого, превращающийся в генеральный штаб рабочего движения. Видим доктора философии Маркса, подвигающего из кресла и повторяющего вклад за своим другом Гейзе слова прекращенной песни поэта:

Ставок скрипит, челноку не леня:

Мы тесем неустанно, ночь и день.

Германия старая, тем савай твои.

Тройное проклятие, велем койкой.

Мы тьем, мы тьем!

Он работает по шестнадцати часов в сутки, успевая воевать с утомлением и большинством, отбиваться от патристических нападков Форьерса².

Книги наполняют кабинет молодого Маркса, зажимают столы, полны ящики, даже камин. И взгляд на них полон хвоями. Маркс не может читать, не делая выводов. Текстуальные листы исчерпаны неразборчивыми, быстрыми надписями, но заметными, что сочувствующим восклицаниями, строки подчеркнуты, поля отмечены восклицательными и вопросительными знаками.

Каждая книга была собеседником в том долгом споре, который Маркс вел всю жизнь. Если собе-

седник была внешнеобщественной, Маркс брал его на помощь, чтобы совместно обороняться на противника. Если враг, то Маркс стремился разрушить его, подчинить силному и ясному тезису своих мыслей. Если книга казалась нейтральной, он брал ее в свидетели в своей достоянной борьбе, выявлял нужные положения, цитировал факты.

Обилие примеров; доводов, многочисленность фактов, которыми Маркс подкреплял мысль, отдавался его работу. Про него говорили, что память его обширна, как книгохранилище британского музея. В процессе работы Маркс постоянно приходящими делал экскурсы в область истории естественных, философской теории и математики.

Но эмвений отчества, Маркс обычно писал, перемешивая немецкие, английские и французские фразы. Он брал в англйском языке его иперуодичность, точность, легкость и остроту французского, свободно словообразовывая и образность немецкого.

«Мышление составляло его величайшее наследие». Как пишет Меринг—мысль была у Маркса всегда в движении. Он был непритворно и мелоча, но притворно и сурово и было в сознании бескомпромиссионный, когда приходилось справиться с обостренным маленьким хозяйством, Маркс с несравненным талантом собрал и вел войско, которому суждено перевернуть мир».

Бывали периоды, когда молодой Маркс и себе-таки невозможно представить себе Маркса, отторгившегося от жизни баррикадами форматов. Дисциплинированность мышления, настойчивость ученого исследователя сочетались в нем с неистовой энергией революционера.

Полноты философии от философии, боины социаль-демократии представляло каханизированное образ почтенного седеборного старца с мощным лбом, добродушной патриархальной бородой и моноклем на черной ленте. Самые опытные мастера революционизма присылались и присылаются Маркс под «тоткого доктор философии» всю жизнь, то в Бонне, то в Париже, то в Лондоне, облекающие себя званиями баррикадами.

А Маркс каждой строкой своих писем, каждой линией вышпал из померывавших рамок философских представлений. И когда в феврале 1933 г., глядя на пиджонный режиссер, Гитлер восклицает: «Это самый богатый человек!» Никто не помешает нам раздвинуть коммунистов железными кулаками, мы мыслим в этом только его возмущенного хора министров старой Пруссии. Через 85 лет после выхода «Комунистического манифеста» еще слышны его звуки, подхваченный миллионами, голос Маркса: «Германия стоит накануне пролетарской революции».

Если попытаться разглядеть фундамент, который предоставлял Марксу, чтобы возвести замечательное здание идеологического манифеста, то, скорее всего, окажется, что ни одна прочитанная книга, ни одно явление окружающей его жизни не прошли мимо Маркса без толпы. Все явление, начиная с университетской скамьи и кончая последними днями в кресле в Лондоне, он стремился обхватить неизбежность гибель существующего строя и подготовить этот неизбежный взрыв.

Тот же Меринг в коротких словах прекрасно описывает мужественность, волеизъявление ирипиривальность бойца-Маркса.

«Он отстоял всякий соблазн компромиссов, хотя и была полная возможность, без всякого урона для чести, укрываться в христианской буржуазной профессии. Все, что у него было сказать об этом, Маркс сказал кратко, без всяких высперенных фраз: «Я делал итти в своей цели напролом, но допускаю, чтобы буржуазное общество превратило меня в машину для добывания денег».

Руки прусской реакции были достаточно длинными, чтобы достигнуть Маркса в Париже. Министерство Гизо предлоило опасному эмигранту покинуть Париж.

Маркс выехал в Бельгию, и тотчас правительство поняло, что это попытку было перемени командного приказа.

Слова «паспортного революционера» обогнала приезд Маркса в Брюссель. Не успел он расковать человека, как ведомство общественной безопасности потребовало от него подписать обязательство не печатать ни одной строки по вопросам текущей политической повестки. Маркс расписался не спеша. Пруссия представляла в то времена более важную мышлен для его сокрушительных ударов.

В Брюсселе мы видим Маркса-вождя. Здесь, не превращаясь расширяясь с идеализмом, Маркс превращается тайный союз коммунистический партизан, немецкую социаль-демократическую организацию.

Ф. Энгельс в 1839 г.

Мы видим молодого Маркса, неутомимо полнотворно пропагандистом. Двери его дома были всегда открыты для единомышленников—учека, составлявшим, заводчиком, авторством, ведущих у Маркса программы действий, философия обоснования революционной борьбы.

Полноты в программном документе была настолько велика, что на втором сезде союза Маркс и Энгельс было поручено написать «Коммунистический манифест».

Пока уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои идеи, стремления и сказам о превраще коммунизма противостоит манифест старой партии.

В 1848 г., накануне Февральской революции, вышло первое из 394 изданий «Коммунистического манифеста»—этой боевой программы партии пролетариата.

Но еще до выхода манифеста прусское правительство, разрабатывая новые статьи «Немецкой брессельской газеты», потребовало высказать Маркса в Брюсселе.

1 декабря 1845 г. Маркс выехал из прусского подданства. С этого дня он переселяет из страны в страну, не переходя ни в чье подданство. Германия, Франция, Швейцария, Бельгия была в равной степени отечеством теорда «Коммунистического манифеста».

Только после Февральской революции ирессельское правительство рискнуло арестовать и высказать Маркса. Как вышло теппер, за доктором философии Маркс была установлена слежка. Предки Хинсов и Гитлеров чувствовали к Марксу ту же трусовую ненависть, с которой теппер социаль-фашисты обрушиваются на коммунистическую печать.

Но даже এখনон не могли не почувствовать величия фигуры Маркса. Любопытно, что, начав анонимный доклад с паразитного описания наружности Маркса, шпюн замечает:

«То черная, большая, густо-проникающая глаза имеют а себе нечто демониическое неприятное, впрочем с первого взгляда в нем виден гениальный и энергичный человек, его умственное превосходство производит на окружающих потрясающее впечатление».

Любопытно замечание несколько позже мы слышим с другой буржуазной колокольни. Незайй Карл Штурм вспоминает с кислой улыбкой:

«Мы хоронили еще поминательные резки, являющийся, и тотчас сказать выходящий из них, тотемон он (Маркс) проносятся слово «буржуа».

Искри, доживавшие в Брюсселе из революционного Парижа, тотчас были затоптаны по приказу короля Леопольда солдатскими сапогами.

Реакция торопилась свести счеты с революционной эмиграцией. И один из первых ударов упал на плечи доктора философии Маркса. В конце февраля брессельские обыватели могли видеть, как солдаты, чертясь, стучат в дверь дома Маркса.

Нена Маркса—Нинни фон-Вестфален

НАД СВЕЖЕЙ МОГИЛОЙ К. МАРКСА

Картина изображает похороны Маркса 17 марта 1883 г. на Хайгетском кладбище в Лондоне.

Несь переманил похороны был весьма скромный. Только несколько преданных друзей стояли у открытой могилы. Кроме Энгельса присутствовали Леснер и Догнер, 2 старых товарища Маркса еще по совету коммунистов, из Франции приехали 2 зятя Маркса—Лайфарт и Лонге, из Германии—Лабекет, из Англии—Гайдом, мужа была представлена двумя друзьями Маркса первоклассным ученым-экономиком Томпсоном и зоологом Гейд Лангистером. Две дочери Маркса—Лаура и Элеонора—были тут же. С прощальным приветствием у свежей могилы выступил Энгельс. В нескольких словах он выразил все, что два Маркс пролетариату:

«Маркс был человеком, которого больше всего несправедливо и на которого больше всего клеветали. Провидения—самодержавные и республиканские—высылали его, буржуа—консервативные и ультрадемократические—нашефой осылали его клеветой и проклятиями. Он ответил все это, как нахутов, не уделая этому внимания, отбегая лишь при крайней необходимости. И он умер, почтенной, любящей, оплакиваемой миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него много было много противников, но вряд ли был хоть один личный враг. И имя его, и дело переживут века».

На картине: Ф. Энгельс, зять Маркса—Лайфарт и Лонге, дочери Маркса—Лаэора и Элеонора и Лангестер. На первом плане—группа рабочих.

как, сохраняя привычное спокойствие, идет на допрос сам детвур философии Маркс.

Нужно было обладать выдержкой волею, чтобы спокойно переносить шутки солдат и издевательские допросы. Наглость полиции дошла до того, что Ллевин Маркс помещали в одном помещении с запертыми на замки проститутками.

«То случилось в конце февраля, а 6 марта Маркс страшно выступил в Париже против любители революционных авантюр, Оттоварияна эмигрантов-немцев «от игры в революцию», от попыток проинтриговать с ордунами в Германию и вызвать там переворот. Маркс в то же время намечал русою, в которое должно было вылиться революционное движение».

Союз коммунистов поручил Марксу образовать левой центральной ордены в Париже. Это было сделано немедленно. И в мартовские дни появились тезисы коммунистической пропаганды.

— Германия—единая и социальная республика.

— Всеобщее вооружение народа, национализация феодальных поместий, торговельно-промышленной, копей, транспортных средств, устройство национальных мастерских, всеобщее бесплатное народное образование.

Но только через 69 лет русскому пролетариату оказалось под силу выполнить те предельно четкие

требования Маркса, которые он выставляла для пролетариата Германии.

● Новая рейнская газета была последней газетной трибуной Маркса-редактора на европейском материке. В течение месяцев эта героическая прабабушка «Правды», «Роте фане», «Оманите» мужественно защищала точку зрения пролетариата.

Среди тульского молчалива или возмущенных воплей остальной печати «Новая рейнская газета» единственная открыто выражала сочувствие парижским повстанцам.

Можно понять, как велика была радость правительства, если глазом Маркса газета в каждом номере призывала пролетариат на насильно отвечать насилием, если нападывая на королей, жандармов, буржуа, на всех рейнских филантропов газета вихохла в прусской крепости с парализм гарнизоном.

Дважды газета привлекалась к суду. Дважды ее оправдывали. Реакция еще во чувствована достоянием сил, чтобы задуть своего опасного противника. И только после того, как были успешными испиши в рейнской провинции, после того, как над дождем нуль стало тухнуть баден-пфальц-

свое восстание. «Рейнскую газету» схватили за горло.

19 мая ее подписчики получили очередной и последний номер. Это была повторенная шесть тысяч раз известия почтенна прусскому правительству. Загнанный, но не сокрушенный Маркс муждно ответил преследователям:

«К чему ваша вадорная ложь, ваша официальная фразы? Мы вас не шадим и не требуем никакой пощадки от вас. Когда придет ваша очередь, мы не станем стелиться террора, но революционные террористы, террористы большею частью и во имя права, на деле грубы, презренные пошам, а в теории—трусливы, скрытны, двуличны и в «общих отношениях»—бесчестны».

● В лучший июльский день 1849 г. к предвещенной радости европейской контрреволюции «доктор философии, гражданин без подданства Карл-Генрих Маркс выехал в Лондон».

В министерствах и помещицких бюро владениям обложено. Наконец-то!—Точно узкою поляна Ла-Манша могла стать барьером между оставленной в Европе армией и ее солдатором полководцем, который умудрялся смотреть на удаляющийся берег материка.

МИХ. ГОЛЬДБЕРГ

Фото М. Калашникова и М. Кулшова

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ВЕСНЫ

1. Герои занимают места

Еще нет. Она не успела надеть привычные попки на голые ветви булавов. Не слыла труженицей со спороначи. Не будет с крыши снежных бомбам, не завнет в водосточных трубах, не саркает на мокрых калашах.

Весны еще нет в столице. Четырнадцать паровозов, усаивая рев и убыстряя ход, приближаются к Москве.

Кого везут сюда? Что означает киргизская круглая шапка рядом с уральским маалахом? Волжский длинный тулуп и халат узбека?

Четырнадцать паровозов доставляют в столицу весну.

13 февраля 1933 года. Делает колхозного села Павел Власов сходит с поезда на Казанском. Брезентовый районный портфелем—весь его багаж. Красноармейская шинель. Делает Павел Власов безобразия, вснушает, стрелы. Он улыбается, он отстает от своих. Вот она, Москва! Трамвайный скрежет, юркие ребята с повязками на рукаве.

«От пролетариев Москвитин... (Адам познаница, божье бунца). Ударил в аки социалистического земледельца...» — Средняя Волга, Средняя Волга... Не оставайте, товарищи!

Автобус ровно гудит, и Павел Власов видит безгудящий кусок мостовой и неподвижную синюю шифера.

А в очиченном от морозной коры кусочке стекла—трамвай, дома, строила, валены. Десятки автобусов развиваются в затылок.

Весна затопляет Москву. Она гудит дедастанными автобусами, шаркает сапками ног в 3-м Доме Советов, пробует Кремль—5,92—мандаутую конвоисно, поднимается по колдовым лестницам гостины.

Поезда прибывают. 14 февраля. Делает от Вешинки Шимон Лев прибывает в Бржегов вокзала.

Обрывается пригородная вагса огней. Делает Шимон Лев осматривает полку—не забывает ли чего?

Он берет в руку туто перевязанный чемодан и сходит под огромной стеклянной купо. Величественность гудящего вокзального неба не привлекает его внимания. Не потерять бы из виду вон того спящего парняшка с красной повязкой на рукаве!

15 февраля. 13½ часов. На сцене Большого театра зажжены настольные лампы под зелеными колпаками. Бумага белеет на красном сукне.

Власов входит в еще темный партер. Вода течет по середине артельного зала. «Средняя Волга», «Средняя Волга», «Средняя Волга»—читает Власов на спинках кресел. Его место в четвертом ряду. «УССР», «УССР», «УССР»—читает Шимон Лев, пробравшись в боковой проходе. Ага, вот и его место.

2. Из хроник семьи Власовых

Павел Власов был Пашовой. Кожа на его потах была тверда и тонка. Самодельная жесткая труба висела на ремне, перекинутом через плечо.

Труба трубила на грани ночи и дня, в золотый и серый час. Сорок пять коров, мельница ступая, шел и мальчишка с дельстой трубой. Павел Власов пас коров зажиточных хозяев. Он гулял их в шапоковых лесные уголья, куда не пускали прочее деревенское стадо.

За лесом, под обрывком, не то телега, не то провала от веттера постала Волга.

Село Хрущево было хлебным садом со своей пристанью.

Пашини дед имел три достягив душевого надела и двух сыновей.

Дед помор, отец поделил с дядей землю, малясы, живописица... Однажды была зловонная зима, отец подрылся вносить халб у Гордоева, которому принадлежали паровая мельница и сад, возна и возна, а однажды

первулся домой, сел на табурет, подросна напиться, да так и не донес медной кружки до побелевших губ.

После его смерти, чтобы продержаться, лошаад продал. Купила азаман дряхленькую конячку, из которой только хворост извасочка возить.

А в сомне была нить чумаков, ие, когда брат Иван ушел на германскую войну, самым старшим оказался четырнадцатилетний Пашка.

Хозяйство ушло до нуля. Разве с этой коняшкой можно было работать?

Дале то шиматок земли, что достался от дедки, не сумели они вспахать. Как будто со всех сторон начудало амных тум. В этом темном мире они были бессильны, ибо у них не было коня.

В 1919 Пашка спрятал школьные тетрадки за икону и наделал жесткую трубу.

Он пас кулацкое стадо в высокой мокро-зеленой траве, а мужицкая тоска уже задалстывала его. Ему мерещилась пыльная плавая глина, цокот копыт стока в ушла, запах лошадиного пота шекотала ноздри.

В бескрайном поле только он один с конем. Лемех подрывает и рушит черные пласты. Добрый конь тинет плуг и бьет себя по бвам сушим хвостом.

И Пашка прикидывал: заработать на коня он не сумеет, хоть битьца воу лизина. Украсть—спорник нехватит. Одна надежда на брата. Вернется с войны—добудет.

Но брат вернуцца не мог. Тело его, разорванное немецким снарядом, было зарыто где-то под Молодечно.

3. Из хроник семьи Левов

Фамалия Лев вероятно была дана в женскую чадотному доктору из точной фирмы «Балканслав», отцу Шимона. Это был законченный тип местечкового неудачника. Дед его был балаголом, отцу стальнойница, а ему хотелось подняться немного выше.

Великий подвиг старания должен был совершить сын Шимон.

Сначала отец отнес его к местечковому фотографу Розенфельду. Но Шимон отпуска непропорциональному папавнику в гинсифарте и очень долго возмояса с аппаратом, пока находит фокус. Тогда решил отправить мальчика к дядье в Одессу.

О город удачил! Из этой счастливой гавани отплавлялись в дельту молодые взволнованные парни. Совершенно уманских, дубовых, винюидных парней стало набавляться в Одессе!

Телеграфные провода России уже перегружены сообщениями о перевороте, о Керенском, ставшем о наступлении. Мальчик из местечка Дубова попадает в гиньальную сумятицу полков. Восемнадцатый год.

Радовой 14-й армии Шимон Лев работает 3-й номером у трамвая «Максим», потом попадает на бронепоезд «Бессарабия», ставит шарашельные трубы, бьет шлахту, выживает Петлюру, лежит в госпитале и опять ставит шарашельные трубы, подкавывается к Кибу и участвует в геротическом наступлении через мост над Днепром.

Местечкой пареня увидел дядюно солдате и человеческой подлин. Он заметил, как сияют на багровом небе черные сушь деревьев. Бока одеситя — он становился бойком роты, полка, арм и, стрым.

В конце 20-го Лев демобилизовался.

В родное местечко было сожжено бандами Казаков.

Отец зарублен, дед зарублен, мать изуродована. Но эту землю, опоганенную гайдамаками разглом, еще темнито и влажно от крови еврейской бедноты, светлая власть отдает в его руки. Берет ее! Владает! Собери урожай!

Местечко воилов, контрабандистов, багалого, сапожников поучает земельные наделы.

Секундент Абель Гоноровский — хозяин паровой мельницы.

Шимон Лев садит $\frac{1}{2}$ га бурakov, $\frac{1}{2}$ га капусты Гоноровского, садит за волной в Аниеве, трясет на известиях и Муратовку.

Он приходит на квартиру к Гоноровскому и видит белые скатерти и желтые субботние буланы на них.

Хозяин по субботам не распахивается, но он не распахивается и в воскресенье, и в понедельник, и во все остальные дни. Так должно быть, чтоб эти бедняки стояли в прихожей его дома с угодливой улыбкой и кнутом в покрасневшей руке.

Но Шимон Лев не умалбася. Затянул кнут за голенище, он дерзко скручивал собачью попку и дымил в субботней тишине.

4. Пронхождение мандатов № 542 и № 1100

Четырехугольные платной бумаги красного цвета с печатью и номером имеют две биографии.

Она имеет свою обыкновенную биографию, которая начинается где-то в ровном отдалении бумажной фабрики и кончается на талере типографского станка.

Она имеет и другую биографию, необыкновенную, которую заноет ему человеческое имя и эпоха.

На трибуну взошел Сталин

Вот эта необыкновенная биография мандата № 542 началась с того момента, когда благодатный Власов, вернувшись в декабре 1930 г. из Красной армии в родное село Хрищева, поднял руку в душной комнате школы, где решался вопрос о колхозе.

Необыкновенная биография мандата № 1100 берет старт в холодной осенней дельте октября 1930 г., когда извозчик местечка Пещанка Шимон Лев приводит на козлоуую конюшню своего коня, слдет повозку и сбрую.

Отпечаток жестоких битв на мандате № 542. Когда этот кусочек бумаги обрел человеческий голос, он слыла притихшему Большому театру:

— Товарищи, я хочу рассказать, на чем раньше держалась кулацкая кабаля. У нас, на Средней Волге, подсчитали, что одиннадцать процентов кулацких и зажиточных хозяйств имели тридцать семь процентов тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря, машин лучшего качества. В то же время тридцать пять процентов бедняцких и малоземельных хозяйств имели только девять процентов всего сельскохозяйственного инвентаря и тягловой силы и, почитю, плохого качества.

(Мальчик с желтой трубой, шальная конница, шесть годоватых ртов. Этого в стенограмме нет).

— Вот, товарищи, на чем держалась кулацкая кабаля. Кто же нам поможет, товарищи, разбить эту кабаля? Нам помочь разбить кулацкую кабаля только колхоз. Под руководством коммунистической партии и рабочего класса, под руководством передовых ударников заводов и фабрик мы сумели уничтожить кулацкую кабаля и выйти на светлый социалистический путь.

(Из речи среднелозского делегата П. Власова на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников).

А мандат № 1100? Какие битвы запечатаны на нем?

— Только советская власть дала выход тридцатьсемью еврейям. Организована колхоз, мы прогнали из местечка спекулянтов-эксплуататоров, капиталиста Гоноровского, известного своему паровую мельницу, Ханька, крупного холторбозца, Печеного, имевшего фабрику мыла. В помещении фабрики на настоящее время работают колхозные млодоляры и сироты. Колхоз поставил 120 ульев. Все возлохонили закреплены по бригадам. Каждая бригада имеет три тары медовых, две тары воды, две тары хвороста.

(Из паролы колхоза им. Сталина Пещанского района, Винницкой обл., УССР, доставленного в Москву делегатом колхозного съезда Шимоном Левым).

Мандат № 542 не всегда был бумажкой. Он горел керосиновым пламенем фонарей, развешенных Павлом Васьковым вдоль стенок колхозных амбаров.

Он отпалал холодной синевой вянута, направленного на Ивана Шимлово, Николая Бурчачова и Алексея Крестиньского, украинских 20 центнеров колхозного хлеба.

Мандат был следователем.

Он устанавливала, что жена Шимлово — дочь кулака, к которому принадлежал 61-я статья. Что жена Бурчачова — дочь милиционера. Что отец Крестиньского в тридцатом году был замечен в полого бригадного двора.

Мандат был прокурором.

Он требовал, чтобы суд приговорил всех троих к 10 годам.

Это острый угод мандата № 542 указал на кулака Гардеева, на кулака Макарянца, еще на двукот кулаком, высланных из села Хрищева, ставшего колхозом имени Коммунистического Интернационала.

Но мандат № 1100 тоже не всегда был бумажкой.

Он обпачивался плавкой с железным наконечником, и эта плавка в руках Шимона Лева разрывалась звоном и тех местах, где был зарит кулацкий хлеб. Он приподвигал в зоркий коммунистический глаз, который видел мельчайшие желтые песчинки и толстый слой трещины, обозначавшие близость кулацкого ямы.

А смотреть надб было! Ибо местечко Пещанка хитело блещими перекулаченными хлеба, волами, контрабандистами. Ибо колхозники Розенфельд, бригадир полеводческой бригады, еще недавно скупал на базаре у крестьян хлеб для Абея Гоноровского, а Шимль Берман там же продавал веники и скупал ридно и колодеца.

Мандат № 1100 выслуал взволнованным человеческим голосом, когда на правлении обсуждался вопрос о поступке колхозника Либермана. Шимон Лев потрясал кулаком, вставлял в еврейскую свою селотворную ирриком русское слово, плясал и истонствовал. Как? Оставить испоганенного коня на улице в 22-градусный мороз? И после этого гражданам Либерман смеет еще оправдываться?

Вот при каких обстоятельствах разрывалась биография мандата № 1100.

Но еще не все сказано о мандате № 542. Освет красное знамен лежит на нем. Знамя получено колхозом им. Коминтерна ва уборку и досрочную сдачу государству хлеба. По новому закону о поставке армия коминтерновцы дали в этом году 2,5 центнера с гектара, тогда как в прошлом — 13

С'вод вакривал Наликин

вами по 4. У всех комитетовцев хлеба полные закрома.

В семье Павла Васюка теперь уже не 6 ртов, а 8 (после армии Васюк женился, и избе завезены ребятишки голода). Все восемь ртов сыты. Своя корова стоит в хлеву, и весной волжской пастуху походит ее в пшавские лесные угодья,

а густую микро-зеленую траву, где когда-то пас скучающее стадо мальчишек с жестяной трубой.

Что же, на мандат № 1100 не падает ответ красивого змиевича. Но история этого мандата неразрывно связана с историей производства колхозом им. Сталина Пешавского района почтовой грамоты на обработку работы бригад. Она связана с историей превращения извозчика Шимона Лева в колхозника-ударника, колхозника-бригадира, ударничавшего в 1931 г. 280 пудовою, а в 1932—410.

Пятдесят процентов заработной сумм Шимон Лев получал ширпотребом и продуктами. Он приобрел для себя одежду, варяжскую шапку, ботинки, для жены—туфли, камаши, платье, 3 метра материи. Может быть это был первый человек в многолюдном поколении Левов, который почувствовал себя действительно человеком.

Такова необыкновенная биография мандатов № 542 и № 1100.

Нужно ли добавлять, что на первом из них стояло имя Павла Васюка, а на втором—Шимона Лева.

Эти мандаты были отпечатаны на широких листах, присланных с букашной фабрики. Они красовались из пшавского трапа, из густой белой массы, медленно плывшей в ролах, а потом сменявшейся тонким пластом по сетке бумажной машины.

Но разве не в одной густой массе страданий, голода, лишения родится биография этого русского и этого еврея? Разве не проводили они сквозь частую сетку опата мечты о своем юге и своей Америке, чтоб войти в историю колхозной революции 1929—1932 гг.?

5. Событие пятого дня

Четыре дня микрофон на тонкой медной ноге стоял перед трибуной, на которую входили конюхи, трактористы, бригадиры, члены комитбюро, колхозники, рабочие, входили Волга, Башкирия, Дальний Восток, Украина, Кара-Калпакия, всеобщие энтузиасты, члены Общества старых большевиков, красноармейцы, евреи, — вся сфера страны говорила с этой трибуной.

Четвертый день засела с'езда под сверкающей люстрой Большого театра, и в члах московских заводов, и у столов колхозной консульства (семена? запчасти? учет?), и на ласковой площадке аэродро-

ма, где танки и самолеты отдавали ему свой немой металлический рапорт.

Четвертый день доносило четырехугольное ухо микрофона имени Ленина и Сталина, обвалам аллюдиентов, слова «трудовой», «священной», «крупной», «романной», «партийной», «именной», «славы», «всех».

Каганович говорил: «Укрепление и проверка наших колхозов будет производиться в первую очередь на весеннем севе». А Мурад-Мухамед из Туркменистана отвечал ему: «Присутствия к сову яровых, полностью знакомым сев именя и шенницы».

Яковлев повторял: «Не забудьте про существование закона о борьбе с лодарями, не постеснитесь поспорить с соседом, когда он сам портит хозяйство». А Васюк отвечал: «Если вспахнет плохо—заставим перепахать».

Обстоятельно, не спеша, загнывая пальцы на руке, чтоб ничего не пропустить, доказывала слово Т. Заблудный—старший конюх колхоза «Новый путь»: «Я знаю каждую лошада, знаю, чем она дышит: легкая лошада, тяжелая, старая, молодая, характер лошади, куда какую лошаду посылать... Мы должны прийти к весенней кампании с тем, чтобы всякая устойчивость была у всех лошадей». А через день Буденный заключал: «Одним словом, товарищи, пора коневодческое хозяйство поставить на должную высоту». Кулак говорил так: «ра ты в колхоз пошел—это колхозное, а не твоё. Поэтому нужно сперва коца и козову уничтожить, а потом пойти в колхоз». А им само разоблачает эту гнусную, подлую, контрреволюционную работу кулака».

Косарев от имени миллионов рабочих молодежи предьявлял счет комсомольцам деревни: «Обеспечьте сохранность машин и всего колхозного имущества, обеспечьте их производительную работу». А комсомолец Кириванов из Холмогорского района отвечал генически: «Есть еще много случаев, когда наш колхозный комсомолец бьется слез, не видит действий классового врага, но, уезжая с этого с'езда, мы с геронимом возьмемся за укрепление колхозов и сев проведем по-большевистски».

В четвертый день был размечен лапкорый план весеннего выступления.

А в пятый—могучим толчком подросло все шесть ярусов. Мгновенно опустели все коридоры и фойе, где только что курили, спорили и протуманывались.

Сначала звучал бенный поток оваций, потом тикалыми силами рванулся тысячелетний «Интернационал». Потом в раскаленной тишине начал свою речь Сталин.

Влады партии говорил спокойным негромким голосом, иногда наклоняясь, поднимая руку, чтоб подчеркнуть мысль, Он упоминал о сомнениях, которые еще живут среди старых крестьян, и тут же расценил их. Доказывал снова и снова, что есть только два пути и один из них—смерть, а другой—жизнь и победа, и третьего пути не дано.

Влады партии рассказывала о прошлом Павла Васюка, Шимона Лева, Мурад-Мухамеда и миллионов других русских, украинских, туркменских, еврейских, белорусских, азербайджанских бедняков.

...Мы добьёмся того, что поможем миллионному числу бедняков войти в колхозы. Мы добьёмся того, чтоб в войну в колхозы и партизаны там лучшей землей и лучшими орудиями производства, миллионные массы бедняков пойдялись до уютов середняков. Мы добьёмся того, чтоб миллионные массы бедняков, жившие раньше ширпотребом, стран теперь в колхозах середняками, стали людьми обеспеченными. Мы добьёмся того, чтоб подорвали расхиление крестьян на бедняков и кулаков, разбили кулаков и помогли колхозам стать хозяевами своего труда внутри колхозов, стать середняками.

Полторы тысячи безбородых, бородачат, вуссуцатых, смуглых, загорелых лиц смотрели в одну точку на восток краю сцены.

На ярусах лежали, прикрывавшая раскрасневшуюся кожу в хужу, старявшая чашанка.

В жестом ряду партера, положив локти на спинку ипряди стоющего стула, медленно умибасла старик в синей полосатой рубашке.

...Чтобы двинуться дальше и окончательно укрепить колхозы, мы должны сделать второй шаг, мы должны добиться нового достижения. В чем состоит этот второй шаг? Он состоит в том, чтобы поднять колхозников,—и бывших бедняков, и бывших середняков,—еще выше. Он состоит в том, чтобы сделать всех колхозников зажиточными. Да, товарищи, зажиточными...

Так раскрывалась волею партии Павлу Васюку, Шимону Леву и всем десяткам не только сылка их прошлого, но и содержание их будущего.

Календарь отсчитал 19 февраля 1933 года.

На трибуну, с которой только что в сверкающем алеску вышел Сталин, поднялся яркигистый оренбургский балам Майстровов. В руках он держал свернувший трубой лист. Это бала проект обработки с'езда ко всем крестьянам-колхозникам Союза ССР.

А на столе в конюшине 3-го дома Советов уже лежали горевые железнокопированные билеты для делегатов: Киев, Днепроролетск, Витебск, Ташкент, Свердловск, Рязань, Уфа.

Шла первая весна второго пятилетия.

...пять дней засела с'езда под сверкающей люстрой Большого театра

ЧТО ЗНАЛ МАРКС

Учение, созданное Марксом,— плод огромного труда, результат многолетних исследований, изучения, критики. Никто было обладать гением Маркса, его трудолюбием, его безграничной преданностью интересам рабочего класса, его работоспособностью, чтобы освоить весь тот багаж, который вместила гениальная голова Маркса. Литературное наследие, оставленное Марксом, дает нам возможность судить о его совершенно исключительных знаниях. Не было полей ни одной области науки, которой бы не касался гениальный ум Маркса. Об этом свидетельствуют и произведения Маркса, и его огромная переписка, и его библиотечка, и тысячи листов

тер. Майер, Маврианава, Макаев, Медина, Менделеев, Миттерних, Миних, Мирабо, Максудов, Монтескье, Мор, Мюллер, Неваз, Ньютон, Огарев, Оксфорд, Ом, Оуэн, Паскаль, Петерсра, Пигт, Пилл IX, Пулауах, Потье, Пурузон, Райт, Рекулло, Ривароло, Ривальте, Робертус, Ронгуа, А.А. Ротко, Роландер, Ротшильд, Сазонов, Савитр, Сен-Бен, Санд, Сен-Симон, Сенвер, Слотт, Скобелев, Смет, Софокс, Стерк, Славата, Струве, Галасиан, Тагит, Теню, Тациан, Тейлар, Тьер, Тюрго, Уоллес, Утви, Фейербах, Флоровский, Фогт, Фоксманн, Фрейрихгайт, Цицерон, Черновский, Ченгерман, Шатюрнайн, Шенкер, Шелль, Шерфара, Шмаллер, Шпенгерау, Шедрин, Юнг, Юм...

Здесь взяты, по крайней мере, одна десятая тех людей, с произведениями и деятельностью которых знакомился Маркс, но и эта доля указывает на исключительную обширнейшую эрудицию Маркса. Собирать материал только в одном порядке тому «Капитала», Маркс изучал произведения по меньшей мере восьмидесяти виднейших английских, немецких, французских, бельгийских, итальянских, русских и швейцарских экономистов (одних экономистов!).

«Между 1863 и 1867 годов,— пишет Энгельс,— Маркс не только составил в набросках все последние книги «Капитала», но и провел еще гигантскую работу, связанную с освоением и расширением интернациональной ассоциации рабочих». Это сообщение свидетельствует об огромнейшей работоспособности Маркса. Краткость сроков ни в какой мере не ослабляла тщательности изучения материала, использования буквально изоборазимого всего собранного материала. Ученый закончил подготовку второго тома «Капитала», Маркс, умевший богатством экономических явлений, происходивших в России, подготавливал в главе о земельной рентах совершенно новый материал. В продолжение нескольких лет он изучал подлинники статистические исследования о земледелии в России.

Изучение России — пророческий пример, иллюстрирующий упорную работу Маркса. Изучение русского языка — яркий пример тщательности работы Маркса, оперировавшего почти всегда с первоисточником, подлинником, архивными измисками.

Небезинтересны также отношения Маркса к книгам. Поля Лафарг вспоминает: «Книги были для него не роскошью, а орудием умственного труда; размещая их, он являл в виду не величину, а содержание». «Они мои рабы и должны мне служить по моему желанию» — говорил Маркс.

Насколько внимательно изучал Маркс авторов, показывают его обширные пометы на полях книг и сотни страниц выписок, сотни страниц переписки с авторами, с Энгельсом. В одной из чер-

новых тетрадей Маркса мы находим 40 страниц выписок, взятых из «Военно-статистического сборника», или выписки 13 страниц выписок из статьи Энгельса под названием «Химические основы азота».

Франция и Россия являлись исключенным может быть лишь в смысле объема изучения, но Маркс внимательно следил за политической и экономической жизнью не только этих стран. Англия, Германия, Италия, Индия, Польша, Дания, Франция, Испания, Греция, Китай, САСШ широко освещены в многочисленных книгах Маркса, журнальных и газетных работах.

Наконец обширнейшие познания Маркса шло из самых холодных лет.

В университете Маркс начал штурмом брать науки широким фронтом. Кроме изучения юриспруденции Маркс велел занятия по философии, геологии и филологии, занимался логикой, географией, антропологией, а с профессора из Боннского в Берлинский университет — химией и физикой.

Нетуловым ум молодого Маркса захватывает все новое и новое знания.

В эти годы Маркс читал: «При этом я приобрел привычку делать выписки из всех тех книг, которые я читал, например «Лаоцона» Лессинга, «Эрминия Зальтера», «История искусства» Виллельма «Немецкой истории» Аудела, при этом и записывал ту же и свои собственные мысли. В то же время я перелел «Германию» Тацита. «Libri triduum» Овидия и начал изучать английский и итальянский языки...»

В другом месте молодого Маркс вспоминает: «Затем я перешел к частям «Риторике» Аристотеля, читал: «De augmentis scientiarum», знаменитого Бэкона Вуртембургского, много занимался Рейхардом, книгу которого о художественных инстинктах животных я с наслаждением прочел, и занялся также немецким правом». Интересно в это же время Маркс уже готовил докторскую диссертацию на тему о различии между натурфилософией Лейбница и Эпикура.

Окончив университет, К. Маркс полностью отдается литературной деятельности, особенно газетной публицистике и критике. Появляются его знаменитые «Записки и воспоминания о моем детстве». Еще более значительными явились статьи Маркса в «Рейнской газете». «В способности и искусство улавливать исторический путь быстро меняющихся событий он был несамым... писка об этом периоде Моисей. Ему автору Руге, вращавший немецкий публицист: «Мы можем себе представить, что к какой публицистике выступает такое образование, такая гениальность». Все это говорилось о 24-летнем Марксе.

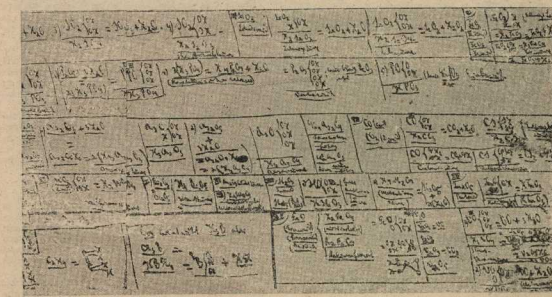
Статистика, филология, всеобщее дело, математика, этнология, историческая реальность, химия, технология, геология, палеонтология, филология, зоология, история, биология; изучение и критика буквально сотен их авторов — вот «кремнистая тропка», по которым терпеливо и упорно «карабкается» Маркс в «исследованиях» первичной наукой. Эрудиция Маркса поразительна, его язык блестящий образец литературного письма. Нет такой области, в которую не проник бы острый, критический ум гениального Маркса.

К. Маркс в 1867 г.

черновые подготовительные наброски. И нужно добавить, на всем этом — след критического изучения, глубокого анализа. Предмет, изученный Марксом, выигрывает всяка кристаллическая, потому что к изучению Маркс прибавляет сотни и тысячи источников, наблюдений из жизни, как из тысячи тонн песка, вымывает крупинки гениальных мыслей. Напомню, что один только датч (исторических событий, изобретений, открытий и др.) занимал несколько обьектов тома. Возьмите вышнюю указатель произведений Маркса, его переписки, и вы увидите, как постоянно огромн, индиксапеленен ум Маркса.

Арбин, Ашпелов, Александр I, Александр II, Александр III, Александр Волынский, Алеко-Паша, Албанский, Аристотель, Ауэрбах, Ахила, Атиа, Ариосто, Архим. Бабер, Байрон, Бакунин, Бальзак, Баврофор, Белье, Бауэр, Бар, Бек, Беншпер, Беранже, Бервольф, Бейнар, Бернштейн, Барзи, Биттсаль, Битковен, Бьюти, Бисмарк, Бланка, Бонапарт, Бокль, Бруно, Бруи, Буш, Брюккен, Булов, Ватлер, Варлем, Вашингтон, Вольтер, Винфильд, Вильгельм, Гайзенберг, Галбетта, Гарбодале, Гарди, Гамальтон, Гаммер, Геккер, Гете, Гейне, Гельмгольц, Гексам, Герберт, Герцли, Гизо, Гиппократ, Гири, Гильон, Гобос, Гольдштоккер, Гримм, Гордрий, Гед, Гроссе, Гюго, Гюббер, Динвалдсон, Данте, Дантов, Дарвин, Декарт, Демухан, Демалаза, Динкс, Дилар, Дикенс, Дилка, Динкс, Дефо, Дюма, Дюринг, Жанца, Жаклар, Джорж Занд, Лувковский, Жанноро, Зорге, Кавендиш, Кант, Кардалье, Катлина, Кастю, Кант, Клаузен, Катум, Кель, Клаузенци, Ковальский, Кин, Костюшко, Кюбич, Кромвель, Кох, Куя, Кювье, Лавроу, Ламартин, Лаплас, Лассаль, Лароушфуа, Латарг, Ледрю-Роланд, Лейбниц, Леру, Лякурт, Ляфрора, Лопатин, Лоу, Льюис, Лю-

Записки Маркса при изучении химии

С ЛЕНИНЫМ В СМОЛНОМ И КРЕМЛЕ

(Воспоминания)

Нам дорога каждая черточка, характеризующая личный облик Владимира Ильича. Поэтому с живейшим интересом читаются воспоминания товарища Короткова, дающие ряд ярких живописных и интересных сведений о деятельности Ленина в Смольном. Автор воспоминаний после издательской «контрреволюционной» службы подполковником в Семёновском полку мечтал работать 13 лет от роду в редакции газеты «Новая жизнь», а в октябре 1917 года перешел на работу в Смольный.

В 1918 году Т. Коротков целал добровольцем на фронт, побывав последовательно на четырех фронтах. По окончании гражданской войны автор кончат ВУХУЕИИ.

— Воспоминания из «Короткова правдивы», — так оценил эти белые зарисовки Належда Константиновна Кривская.

Про т. Ленина я узнала, когда работала в конторе редакции «Новой жизни». Это было после Февральской революции, мне было тринадцать лет.

С тех пор я как-то изменилась, внутренняя радость ее покинула меня, все время тинуло и т. Ленину.

Второй раз я увидела Ленина в Агтовом зале, где он должен был выступать перед увеливающимися на фронт. За два перерыва красновардаришине, сидели даже на окнах, пели революционный гимн и русские народные песни, некоторые спорили относительно войны.

Видур кто-то объявил: «Сейчас выступит т. Ленин». В зале произошло что-то невероятное. Крики радости, возмущения.

Я с большим трудом стал пробираться к трибуне, где показом между ног, где очень близко, чтобы меня пропустит, и вот, наконец, я у цели. Я увидела Ленина более озабоченным, но с той же доброй улыбкой. В зале постепенно наступала тишина. Не дождавшись полного спокойствия, он заговорил, он говорил не так, как со мной, а как только иначе, как сразу со всей массой. Я оглушалась навал, посмотрела на те лица, что мог видеть, и на массу сверкавших глаз. Я тоже стал внимательно слушать, не своя глазо т. Ленина. Что он говорил, я не помню. Помню только слова, которые проносились по залу, как гром: — это призыв к защите революции. Часто его перерывам хаотичным в ладони и возобновленным криками.

После него выступало кто-то еще, но его уже слышала не так внимательно, видно самое главное было сказано.

Прошло два или три дня. За эти дни мне совещание не приходило видеть В. И. Я все время искала случая хоть одним глазом посмотреть на него.

Но вот совершенно неожиданно меня вызвали к управляющему делами Совнаркома т. Бонч-Бруевичу. Я очень была рада, так как предполагала увидеть там т. Ленина. Когда я шла в залу, как бы сам с ним поговорить, но все мои мечты были напрасны, так как кроме т. Бонч-Бруевича никого не было. Я не мог скрыть огорчения и нехоты сказала: «И вот, куда вы вызвали». Он мне ответил: «По распоряжению т. Ленина вы передеретесь на работу а применую Совнаркомом и автаря присутствия и выполните своих обязанностей: докладывайте и исполните особые поручения т. Ленина».

Как я был рад! Я и сейчас не в силах описать этой радости. Я весь вспыхнул и не нашел слов отблагодарить. Выходя от т. Бонч-Бруевича, я думал: «Почему меня? Неужели он меня поинтер?» Работа в приемной и испол. деловое секретариате делала Ленина каждый день по несколько раз. На этой работе я стал еще больше прикисаться к и изучать В. И. Приходил он всегда точно, даже раньше назначенного часа, просматривал корреспонденцию, и после начинался прием.

Принимал он всегда в своем кабинете, и по нему ни одного случая, чтобы он отказал кому-нибудь в приеме. Были у него и приемы рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, и многие из них были раненные, и писали и просили помощи и ухода с недолговременными, а наоборот — все радостные и бодрые.

Я не знала, когда т. Ленин отбывал. Мне в это время казалось, что он не спит и не ест, что в прием. раз салми: вечером, ночью — собрания, заседания, а на его лице я не видела усталости. У него всегда на всех завтрачное время, находил со многими останавливались: скажет несколько обаяющих слов и пойдет дальше.

Он сам подхлал к тем, у кого являла на лице недовольство или утомление. Вот воспоминания моей матери о том времени, когда она работала в столовой Совнаркома:

«Помогает это я раз помню, что-то от слабости мне стало плохо, остановившись и наклонив голову на ручку стула. Видур кто-то подхлал, выклад на мое плечо руку и так ласково спрашивает: «Что, мой друг, ты плохо? Я с трудом поджала голову, не товарищ, ты плохо? Я с трудом поджала голову: что это? Он, не дожидаясь ответа, посмотрел пронизательно на меня и, отвечая сам себе, продолжала: «Да, очень трудно, как-нибудь еще потерим, а там поступим». Близкого, даже родного человека, И я ответила ему: «Ну, что и же, силы есть, и можно больше». Тогда он сказал: «А в действ-то какая вам больше нравится — старая или новая? Ска- зал что плохо, сплоскило. И снова сказала: «Да мне все равно, лишь бы было лучше». Он добродушно улыбнулся и пошел. После я узнала от т. Вороничева, с которой вместе работала, что это был Ленин, и мне стало очень неудобо за свои слова».

Стоишь где-нибудь утром и задумываешься, видур кто-то неожиданно скажет: «Здравствуйте, т. Коротков», оглянешься и увидишь: стоит В. И., улы- неубою, что он первый здоровается, а он тут же подлетит это и наметит о чем-нибудь другом.

Чаще всего он спрашивала, о чем я думаю. Это он всегда радовался моему растерянности. Ему совсем незлобно, что первый здоровается, он всегда всех замечал.

Помню, была такой случай в Смольном. Как-то раз мне нужно было спуститься на антрес в 1-й этаж, к маме. Подхожу к лифту, вливаю лифтку, чтобы лифт поднялся наверх, и жду: слышу — лифт идет, а вверх не поднимается; останавливаю, опять зашумит, я опять нажму кнопку, он опять так же. Я не мог понять, что происходит. Со мной была еще одна, слышу — лифт все ближе и ближе поднимается, дверь, лифт — стоит В. И. с поднятыми кверху руками, смеется и говорит:

«Сдаюсь, ты меня победила».

Я сначала очень смущалась, чувствуя себя большой виновником, но, увидев его в такой позе и смеющийся, тоже повесела. Он говорит:

— Ну, подем вместе со мной, тебе куда?

Я сказала, что еду к маме, на 1-й этаж.

А мне на 2-й этаж.

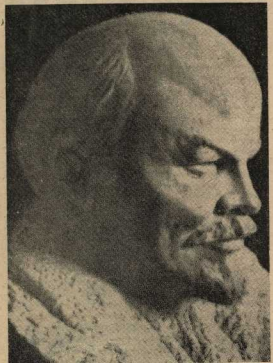
Я сел, и мы поехали. Он все время шутил: — Здорово ты победила меня, я спускался, а ты твоя меня кверху.

Мне так было приятно и радостно слышать его шуток, и из всего этого получалась самая от игра, а он — просто равный мне по годам товарищ.

В. И. одевался всегда просто, даже бедно; костюм был на нем потертый, ботинки очень плохие, иногда негодная обувь, но он думает.

Вот еще одно воспоминание моей матери:

«Моя и брате поуду в кухне, слышу, кто-то в столовой в куртке роется. Подождал и слышу: стоит т. Ленин, в руках у него кусок черного хлеба и кусок селедки. Он увидела меня, растерялся и стал несколько раз извиняться. Я ничего не могла сказать, так как стала почувствовать страх; — убежала и тихо заплакала. Мне стало его смешно».

Скульптор Б. Коротков

Визит В. И. Ленина

Я слышала, что т. Ленин хорошо и внимательно относится ко всем трудящимся, и мне очень хотелось его видеть.

После Октябрьской революции я узнала, что т. Ленин находится в Смольном. 28 октября 1917 г. я пошла в Смольный поступать на работу. Меня сразу же приняли в экспедицию газеты «Рабочий и солдат». В первый же день я стал расспрашивать про т. Ленина, и мне все отвечали с большой радостью. Из всех ответов было видно, как каждому приятно про него вспоминать, как каждый сотрудник любит его.

В конце того же дня мне дали поручение: нужно было идти в казармы и раздавать большевистские листовки и газеты. Была из экспедиции с большой пачкой, я остановилась в коридоре Смольного и стал думать, как лучше выполнить данное мне поручение. Видур мне кто-то положил руку на плечо и ласково спросил: «О чем задумываешься, говоришь? Я как-то растерялся и не мог сразу ответить. Но когда увидела доброе, улыбающееся лицо, то вся моя растерянность прошла, мне стало очень легко. Я ответила, что иду с этой пачкой и солдатам и думаю, в какие казармы мне сначала идти. Он еще больше улыбнулся и сказал: «Да дело важное», и указал, куда спешить. Я быстро выехала на улицу, унеса его добрую, ласковую улыбку.

Всю дорогу думал: «Кто же это? Неужели Ленин? Какое же поручение».

Выполнив все свои поручения, я всю всех сал побежала обратно. В Смольном, в экспедиции, я подошла к сотруднику и, еле переводя дыхание, сообщила, что кто-то из меня так хорошо говорил. Он не дал мне закончить: «Да ведь это Ленин, «Ленин?» — переспросила я и тут же побежала домой рассказывать, что я видела т. Ленина и даю разговоривала с ним».

Художник В. Альтман. Из зарисовок В. И. Ленина, сделанных в Кремле в мае 1920 г.

Художник И. И. Ерошкин в Андреевском зале Красного дворца (справа) набрасывает портрет В. И. Ленина, Синилов/Был сделан фотографом А. К. Була во время одного из заседаний ЦИОоргбюро Коминтерна в августе 1926 г.

Я узнал об этом, и мне стало очень больно. Я решил ему помочь. Выписывая я как-то продукты: черный хлеб, сахар, сосиски и еще что-то. Решила выписать немного больше для т. Ленина, выла реинку, поднесла на квитанции выписанные продукты и цену. Получая продукты я очень боялся младших, как бы они не заметили. Получив продукты, я быстро побоялся раздавать их сотрудникам. Раздала я всем поровну, а т. Ленину products больше. Иду и радуюсь, что вот думаю, а его немного лучше повоюю. Прихожу, поюлю ему пачку, гляжу на него и не вижу на его лице улыбки, с которой он всегда меня встречал. Думал: в чем же дело? А он смотрит на пакеты, то на меня. Смотрел, смотрел, видно ждал, что я ему скажу, но я молчала, не мог понять, в чем дело. Тогда он обращается ко мне с вопросом: «Почему мне больше, чем другим? Я правду сказала, а скачала, что просто попросила прибавить. Тогда он мне говорит: «Нехорошо, нехорошо. Ведь вы же принесли мне ну очень часть хлеба, вы отняли у другого товарища», и прощая меня, чтобы я отнес обратно. Мне стало очень неловко и чуть-чуть не заплакала, оставив пакеты, что полагается, остальные продукты обратно.

По дороге я стала вспоминать то, что и сделала, и то, что он мне говорил. Я действительно поняла, что отнял у другого товарища, так как продукты точно распределялись на каждый день. Я еще больше поняла, что т. Ленин ни в чем не мог обидеть другого товарища.

Накануне переезда Совнаркома в Москву В. И. спросил меня, хочу ли и поехать в Москву. Я ответила: «Конечно, но только и я один, так как у меня здесь работают моя мама и сестра». Он сказал: «Пожалуйста, приезжайте со всеми родственниками».

Однажды в Кремле в приемной Ленина открывается дверь, выходит два крестьянина: один молодой, другой очень старый, видно шаг пешком издалека, так как лапти на них были все грязные, покрыты пылью, кругом торчали грязные ноги, поддеки были в заплаты и рваные, свали висели почти пустые мешочки, а в руках—длинные палки. Старик кроме той дорки, в правой руке лапчатой стальной коромы. Я подошла к ним и спросила, кому их записать на прием. Они, не обращая внимания ни на кого, сразу бо громко стали отвечать, что хотят видеть т. Ленина. Но очень жалкому делу. Тогда я спросила: «Какое же у вас дело?» Они сказали, что их выгнали на стоянке в семье т. Ленина, просят у него разрешения на право получения вагона для перевозки хлеба, так как село умирает от голода. И он позвал отот черной козлы, что держала в руке, сказал: «Вот возьмите хлебом мы так питаемся, мы питаемся с козлами». И действительно, когда я разгадала, это была с виду женщина. Я ответила крестьянину, что по этому вопросу нужно обратиться к т. Цюрупе.

Как только я им сказала, так они, чуть ли не плача, закричали: — Нет, нет, пусть нас к т. Ленину, только он один может нам помочь.

Доказательства мои их не убедили. Тогда я взяла их документы и пошла доложить т. Ленину.

Тов. Ленин внимательно изучил мои дела, документы и сказал, чтобы я провела их вне очереди

к нему в кабинет. Когда они вошли в кабинет, сразу растерялись, стали комкать в руках палки, не могли сделать ни одного шага. В. И. тут же встал с кресла и пошел к ним, добродушно улыбаясь.

Что было дальше, я не знаю, так как вышла из кабинета. Прошло около часа или больше, как вижу идут крестьяне, почти плачут, лица от радости сияют. Выбежав на приемную и, не в силах сдерживать свой восторг, закричали: «Вот это да! Вот это Ленин! Куда наш Миникта в сельсовет!»

Это были другие люди, их нельзя было узнать, они даже потеряли земляный хлеб. Они исперебой стали говорить о чем спрашивала т. Ленин.

— Вот ведь даже спросил, как живут моя жена и дети, здоровы ли они— и закончил: — Да, вот, это человек. Вот это шаг.

Однажды я шла около здания ВЦИК в Кремле, подавала горячей консервную банку и удерживала току юю. Вот мимою слышала удар, банка с выносом летит, и слышу обо что-то ударяется. Я быстро подняла голову и вижу мою банку около во В. И. Он постоял несколько секунд и пошла мне навстречу улыбаясь. Я очень растерялась, чувствую себя большим виновником на свой грубый поступок и не мог тронуться с места. Когда он поравнялся со мной, я сразу же став прошу прощения.

Он остановился и смеясь сказал: — Ничего, а футбол тренируйтесь! Тренируйтесь, тренируйтесь,—положил мне на голову руку и еще больше засмеялся.

В. И. Ленин и И. И. Ульянова у здания Большого театра (Москва). Чрезвычайный с'езд совтоев. июль 1918 г. Синилов И. Синилов

Когда он от меня ушел, а долго стояла на одном месте, впрочем я все случившееся, все время объяснял себе.

Выдавался как-то случаем мануфактуру. На каждого приходилось очень мало. И вот мы решили в управлении собрать костюмный материал и от всех сделать т. Ленину подокор, так как у него костюм был совсем дряхлый. Но как же это сделать? Мы знали, что В. И. ни за что не возьмет то, что полагается другому. И вот мы решили его обмануть. Но как обмануть? Поднаписали разные предложения, но ни одно вначале не подошло. Мы долго прыгали, прыда к закладочнику, что В. И. попросило бы нас, а мы обманули.

Я не помню сейчас того товарища, который предлагала такую идею, за которую мы все улыбались и лучше не знали.

Нужно хорошо уловить язык матерона, поставить кругом какие-нибудь печати на бумагу и написать: «В. И. Ленину—от рабочих (из Сибири)».

Мы так и сделали. Я положила этот пакет на стол вместе со всей корреспонденцией и с нетерпением ждала, чем окончится наша затея.

Принес В. И. подокоравало со всеми и пошел в свой кабинет.

В чью открытую дверь я стал смотреть, что он будет делать с нашей просьбой. Мне долго пришлось стоять, так как он не сразу обратил на нее внимание, а вначале просмотрел всю почту, прочел письма и, разобрав какое куда, уже после посмотрел на нее каким-то странным взглядом.

Я моментально отскочила от двери и стала как будто что-то делать. Он позвал нас и сказал, протягивая нашу просьбу:

— Спасибо, большое спасибо за ваш подокор, но только прошу взять его обратно и больше никогда этого не делать.

Мы стали отказываться брать ее обратно, еслись на то, что у бедности, то количество, которое мы получили, нас не устраивает, а нам гораздо лучше подокор В. И. Долго пришлось уговаривать его, чтобы он взял. Наконец он согласился и очень благодарно нас за наше товарищеское внимание к нему.

● В конце июля 1918 г. пришла на прием к т. Ленину команда из дивизии Кавказе т. Кошениов. Я с ним разговаривала относительно фронта. На его обязанности лежала мобилизация добровольцев для пополнения дивизии. Я дал ему согласие поехать с ним на фронт. Когда я пошла к т. Богу-Преснуцу, чтобы он отпустил меня на фронт, то он отказал мне категорически. Тогда я пошла к т. Ленину.

В. И. вначале тоже меня не пускал, смеялся на то, что я—испытанная работница, получаю большое доверие. Тогда я ему стала об'яснить, что мне хочется поехать на фронт и что здесь, на этой работе, я меньше могу принести пользы, чем на фронте. В. И. очень внимательно меня выслушала и дал мне согласие, но только велела позвать мою маму, чтобы она при чем дала также свое согласие на мою от'езд.

Так и было сказано.

В. И. на прощание крепко пожал мне руку, и мы с ним расстались.

ТУРИСТ—НА СТАРТ!

Идет весна, близится старт многотысячного летнего похода прелестных туристов. С рюкзаком за спиной, с песней разбудят они по дорогам Советского союза. По косякам степных и лесных дорог, по извилистым горным тропам, до заводям и порогам рек, по тучной глади озер двинется пешком и верхом, на велосипеде и на шлангах мирная рабочая армия. Словно ритм далеких переходов и горной вышки лагерных костров вытравит усталость психеи трудовой зимы. Приятный дух лесных зарослей, свежий воздух горных вершин, жаркое солнце водонут новые силы, новую бодрость, волю и энтузиазм в борьбе и новым победам.

Но рабочие-туристы пойдут и поход не только за здоровьем и отдыхом. Отдыхая и набираясь новых сил, миллионы туристов совершат огромную и важную работу в нашей стране и в мире.

В далекой сибирской тайге, в болотистых лесах Алтая, в неприступных горных ущьях Памира и Талианастана, в окрестностях Карелии—много мест, еще не занесенных на карту. Генерал рек, извилистые морские берега, отроги гор зачастую лишь изредка очерчены на карте рукой топографа.

Рабочие-туристы пойдут на штурм белых пятен на карте нашего Союза.

Найдется для туриста работа и там, где каждая скамья местности является излучиной реки, каждый холм тщательно и точно уже занесен на карту. Огромные части нашей территории, подробно изученные географически, все еще на географической карте обозначены белым пятном.

Недра, богатейшие недра нашей земли, скрытые и ринно берегаемые природой неисчерпаемые сырьевые ресурсы социалистической страны, исследовано жалко, чтобы пытливым глазом и наблюдателя, чтобы неукротимая человеческая воля вырвала их из архаичного плена веков прошлых.

признава и жизни, бросала в горни домен, в плавильные заводы.

На каждом предприятии, в цехах и на производственных совещаниях задается речь о запасах и качестве сырья, бьются над вопросами своевременного сырьевого снабжения. В чем азбука и где нехватает,—это знает каждый рабочий. Где и искать, в каких уголках Союза критически нужное сырье—об этом он узнает в тресте, обобщении, научно-исследовательском институте.

И тысячи прелестных туристов, собираясь в поход, укладывают в рюкзак рядом с банкой консервов и сумкой белья геологический молоток, промывочный ковш и геологическую карту обслеженного района.

Мы знаем—лителитка преобразила ели советской земли. Пыльные маревы авиационных стоек прожарено метелью домен и заводских труб, платинами амальготирующей заделаны течения рек, тракторами стерты мхины крестьянских полей, в пустынной тундре, в далеких горных уазах впервые слышится гулом угля, впервые амальгам белый мазет врача, в ночных юртах и чумах умолкали властный окрик баи и клумбосное заавывание изамнов.

Рабочий, вернувшись лителитке, дравившая за ее выношение о себя на заводе, не может не использовать свой туристский опыт для работы на заводе, с результатами предприятия в тех местностях, где он будет разбивать свою палатку и разводить костер. И у этих лагерных костров туристы—рабочие крупных промышленных центров—встретятся с колхозниками и колхозницами далеких окрестностей, должны будут дать ответ на тысячи недоуменных вопросов, сомнений, жалоб.

Пролетарские туристы также не забудут, что бланк быть может день, когда им придется стоять лагерем где-нибудь на окраине советской земли, держа в руках не альпинистко, а винтовку. Они используют поэтому свой поход для военной учебы, для того, чтобы овладеть искусством ориентирования в незнакомой местности, делая кривы маршруты, держать между собой связь.

Задачи прелестного туристского движения—большие и важные, их должен продумать каждый рабочий-турист, готовясь к летнему походу за отдыхом и здоровьем.

Не нужно стремиться охватить непременно все задачи. Это под силу только большому, хорошо организованному коллективному экспедиционному образцу и примером которым может служить комсомольский таежниковский экспедиционный отряд редакции ОПТЭ под руководством Н. В. Крыленко, последовательные этапы которой описаны в его книге «Ущелья Горы». Достаточно, если удастся в хорошо продуманном маршруте разрешить одну или две из этих проблем.

Для примера мы расскажем читателю об интересном опыте самостоятельной туристской экспедиции в район Алма-Аты рабочих московского завода «Каучук» летом 1932 г.

Каучук—важнейшее промышленное сырье—до сих пор импортируется нами из-за границы. Каучук, это—шиша для автомобилей и авиоланов, это—оболочка дирижабля. Каучук, это—рошина, обмотки, катушки и непромокаемая обувь дождевика рукава и электрическая изоляция. Почти нет такой отрасли промышленности, кото-

рая не нуждалась бы в каучуке. С индустриализацией страны, с развитием автомобильной промышленности наша потребность в каучуке стремительно растет.

Борьба за каучуковую независимость становится для нас важнейшей проблемой.

Важную роль в этой борьбе играет народ с работами по изобретению искусственного (синтетического) каучука. С производством же его у нас уже началось в заводских масштабах. Изобретения новых, неизвестных до сих пор, каучуковых, т. е. растительных с богатым содержанием каучука.

Обследование флоры района Алма-Аты на каучуковую и было целью экспедиции прелестных туристов завода «Каучук».

Июньским вечером на станции Алма-Ата выгулялись небольшая группа туристов—6 мужчин и 2 женщины. От станции до города—14 км. Решили заочевать у станции. Еще неизвестными путями раскиснуты палатки, развешены котлы, ставы уложены. Заведный полот развинулся над лагерем, из песчаной степи доносился стрекот шмала. Каждый из туристов думал о своем.

Начальник группы, авиалайтер Василий Иванов Ильичевский, бывший турист, прикинулна слуха все дела, будущий поход, романтическая Алла Комова, товарищ по металлу, мечтала об опасных встречах с басмачами и змеями, заводской поэт, пресловутый Крылов, искал приключ к слову «каучуков», стараясь каучуконосы принаследовать жемчужины и ослепительно ухаживать за своим любимым помостера Шмилана, и монтажник Корнилова, и маркировщик рукоятого цеха Малышовый.

На третий день утром участники экспедиции шагнули по обрешеченным топографическим дорожкам у подножья в сады и земли Алма-Аты. У города степь круто переходила в лесистые предгорья, к предгорьям с обрешеченных, сплывающих выемки слагами, пиков черной Алма-Аты стекали ямки каучуков.

И в тот же день профессор Васильков, начальник каучукового сектора по пересмотру казахстанской флоры на каучуковость, маленький седельный старичок, крепкий, энергичный и веселый, неожиданно позвонил в лагерь туристов.

— в кратчайший срок обучить примыбных москвичей технике сбора гербария и описательным признакам группы растений, семействам сложноцветных, среди которой встречается каучуконосы.

Каучуконосы с любовью и баловством вспоминают Иосифа Георгиевича Василькова, смывшего следать для них этот своеобразный семинар захватывающе интересным. Лабораторные занятия смывались аккурсивно, во время которых каучуководы под руководством Иосифа Васильковича и его ассистента учились сбору гербария. И когда наконец группа экспедиции в начале июля прибыла в Алма-Ату, рабочие-туристы были вооружены всем необходимым для своей работы, начиная с теоретических знаний и кончая инструментами для гербария.

Утром на следующий же день после прибытия груза из Москвы маленьким караваном, пополнявшимся двумя шипками, вековыми продовольствием, тронулся в путь караван по долине реки Б. Алма-Аты. Вскоре зеленые скалы и топяные алаи Алма-Аты остались позади. Прошла полоса зеленых покровов, экспедиция вступила в район абановых лесов. Преведенные очертения снежного покрова указывали, сухой степной шире умерла лесным горным угодьям.

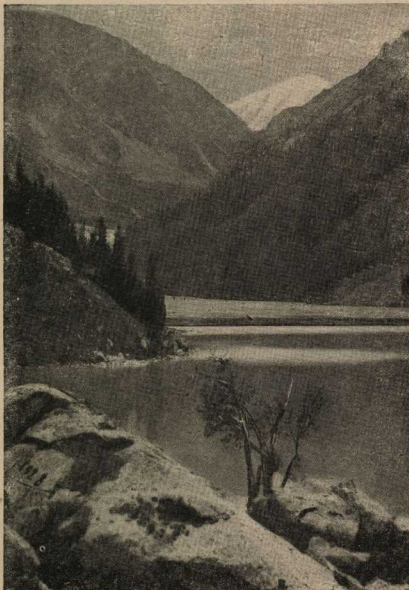
Впереди за руководителем группы мерно шагали тяжело нагруженные ишаны—сначала маломанский ухтыр Брякуз (названный так потому, что он отлучился в близлежащий район), затем—автомобильный ухтыр Янка. За ишанками шла вторая участница экспедиции.

Остальные, раскинувшись цепью поперек долины, собирали гербарий. Непуные растения выкапывались по возможности со всеми клубнями, корнями, отщипывая от земли и заделывались в гербарные листы. Тут же владло растение, снабжалось этикеткой с подробным указанием места и времени нахождения, рельефом и характеристической почвой. Спустились несколько часов, началось клубение лесов остались позади. Вместо причудливых изгибов яблонь—мощные стволы туркестанской ели, вместо приного абачного дуба—оборядный запах вяза. Треника, становясь все ярче, вылилась по долине реки, перескакивая с одного берега на другой.

За полосой туркестанской ели вылилась примылающая к галечниковой морине альпийская луга. Но до них экспедиция не долга: зона распространения словобитовых кончалась в районе туркестанской ели.

Доля до середины полосы туркестанской ели, экспедиция переправляла через котловину главного хребта в соседнюю долину, по которой спускался

! Поняв тем этой вещи чрезвычайно ценной работы недавно выехал в ГИЛ.

Такие воды Алма-Атинского округа...

обратно с предгорий в степь до шоссе, идущего с запада на восток параллельно Ала-Тау. Отсюда один из участников экспедиции отправился в Ала-Ату сдать собранной гербарий и поговорил с записом продолжаться для следующего маршрута.

Таким способом каучуковцам предстояло обследовать предгорья Ала-Тау и примыкающую степную полосу на 50 км к западу и востоку от Ала-Аты.

Каждый такой «двухречный» маршрут продолжался около декады.

Летер на дневные привалы и на ночлег нередко разбивали возле юрт казахских козоводов. Участники экспедиции знакомились с своеобразным бытом кочующих казахов. Каждый казахский козовод в предгорьях овладевает район горной реки и состоит как бы из нескольких этапов. Внизу — оседлый зерновой сектор, в средней части предгорий — молочное хозяйство, еще выше — скотоводческие кочевья со стадами баранов и на альпийских лугах — табуны лошадей.

Во время привалов и стойнок скакустые казахи в вырубленных шпалах и ветках халхалат и узорчатые казачки в ярких кофтах окружали алтер. Завязывались долгие беседы. Каучуковцы различали цель своего похода, значение поисков каучуководов, казахи делились с москвичами своими изречениями и сонниками. Эти беседы давали и практические результаты: ряд ошибок, допущенных местными органами в отношении казахов-козоводов, был устранен с помощью москвичей, а в сектор по перемосту казахстанской флоры на каучуководность поступили представители алтер из казавок, обладавшие зарослями садоводства.

Равномерное течение похолодной зимы нередко нарушалось привлечением: трудными перепадами через горные реки с непроходимыми кукунами, вылетами ядовитых змей в палатки, бурлящим в знойной, сухой степи без воды. В степной полосе температура доходила до 75°, в предгорьях по ночам опускалась до 8—9°.

Но крепкая дисциплина, твердое руководство начальником группы — бывшего туриста Мельникова — и строгий экспедиционный режим помогали выходить из трудных положений.

Был установлен неуклонный распорядок дня. В 5 ч. утра — подъем. До 7 — еда, уборка лагеря, сборы. От 7 до 11 — поход. С 11 до 3 — привал, обед, сон. С 3 до 7 — поход. Затем ужин и разбор гербария.

В походе каждый час делал небольшой привал минут на 10. За точностью походного распорядка следил... шпак Брыкус.

Брыкус скоро привык к регулярной смене работы и отдыха и ровно через каждый час пути, не дожидаясь команды, ложился на землю.

Вообще каучуковцам пришлось поучиться прежде, чем они научились справляться с ишакми и изучали их нрав. Но затем дело пошло на лад. Ишак привыкли к своим новым хозяевам, ходили по следу за ними следом, приходяли на зов.

Поблизкой «опыт» одного из участников экспедиции — Крылова — подтвердила необходимость строгого соблюдения походного режима. В одном из последних восточных маршрутов Крылов, пользуясь отсутствием задоривающегося в Ала-Ате Мельникова, нарушил распорядок и выгулялся в озере в самые жаркие часы дня. Результатом явилось заболевание местной малярией и вызванный предостережением отеза.

Тринадцатого исследовалась работа каучуководов в предгорьях в течение месяца — до середины августа. Была обследована район — площадь в 1500 км. кв., от селения Уаук-Атагу на западе до Исыкского озера на востоке.

И когда посылная часть добычи была доставлена в Ала-Ату, профессор Васильев мог с гордостью насчитать у себя в лаборатории тысячу новых степей гербария, собранных по всем правилам ботанической науки.

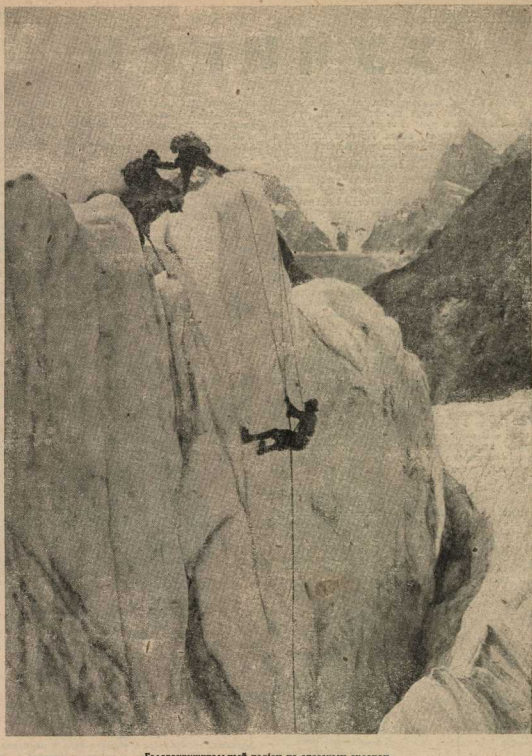
В середине августа в Ала-Ату прибыла учебная тигр-шаляевская группа ОПТЭ под руководством Г. П. Суходольского. Экспедиция имела задачей подготовку опытных инструкторов-альпинистов, которые могли бы служить помощниками в горных делах РККА.

Четверо каучуководов — Мельников, Мальшинов, Шпанки и Кокина — применены к группе Суходольского.

Миноров предгорья и альпийские луга, полюбив вплотную к ледниковым языкам и снежным вершинам Ала-Тау, экспедиция разбилась на подгруппы. Каучуковцы оказались в подгруппе Суходольского.

Началась новая учеба — изучение техники горного восхождения. Привыкшим к лагерной жизни, окрещенным в двухмесячном походе и тренированным каучуковцам эта учеба давалась легко.

Впервые в жизни, преодолевая свои собственные трудности, перебирались через гав-

Головоуниверсальный пох'ен по отвесным скалам

боные расщелины ледниковых трещин, штурмовали вершины, на которые не ступала нога человека. Одна из таких вершин, высотой около 4 тыс. м., была вата женской группой каучуководов — Мельникова и Кокиной — и названа «Комсомолок».

Десять дней высокогорного похода в пылящем воздухе глетчеров и вершин, среди грандиозных панорам Ала-Тау остались для участников экспедиции ярким воспоминанием, прекрасной кофточкой туристской экспедиции.

27 августа каучуковцы погрузились в вагон. В прозрачном воздухе бесконечной Ала-Тау четко различались крупные линии своих вершин и пиков вокруг Ала-Аты.

Через несколько дней в Москве, на Плонцкие, в клубе завода «Каучук» рабочие-туристы отчитывались перед сотнями своих товарищей в производственной работе. Ее результаты были оценены по заслугам в резолюции, вынесенной собравшимися рабочими, а туристы снова вернулись к своим станкам.

Впрочем не совсем посприну. Руководитель группы В. И. Мельников, страдавший травматическим неврозом, освобожденный от всех партийных и общественных нагрузок, с трудом справлявшийся со своей производственной работой, вернулся из экспедиции окрещенным и подлоровавшимся настолько, что смог снова встать в ряды активных партийцев и общественников.

Два с половиной месяца лагерной жизни в альпийских и двойных лесах предгорий и десять дней

похода по ледникам и скалам Ала-Тау принесли больше пользы десятим поместера Шаляевым, чем поездкам на курорты, которые они практиковали раньше.

Мальшикова, Кокина, Коринков — все чувствуют себя и до сих пор окрещенным и подлоровавшимся: любой зарядки хватало на всю зиму.

Есть посылка: «Душные примеры заривающихся». В данном случае заривающимся оказался хороший пример: свыше 90 рабочих-каучуководов выразили желание отправиться летом 1933 г. в поиски каучуководов.

Заводская ячейка ОПТЭ ушла опыт группы Мельникова. Больше того — она даже доискусает, что групп будущей экспедиции не будут пидаться от Москвы до Ала-Аты 20 дней, как это случилось прошлым летом, а придут на место назначения одновременно с туристами, и таким образом туристы в Ала-Ате не будут иметь времени для ботанической учебы. Исход из этого оптимистического предположения, заводская ячейка организовала семинар на 20 чел., в котором новая группа каучуководов знакомится с основами туризма и техникой сбора гербария.

И когда ларько солнца мая расторгнет синга в предгорьях Ала-Тау и разлившиеся горные реки вернутся в свои берега, туристско-каучуководов движется в путь, чтобы продолжать работу группы Мельникова, чтобы исследовать летом 1933 г. не 1.500, а 5.000 км. кв. альпийских предгорий и степей.

ХУЛИГАН

Торжественная луна висит в воздухе. По улице шагает женщина, у ней усталая походка, в руке теселая корзина. Тяжелые корзинки гнет женщину набок. Из переулка шумно выходят две пары, они поворачивают и идут вслед за женщиной. Парни тихо разговаривают, потом они вдруг расхохотались и стали громко рассуждать похлывый анекдот. Женщина усмехая шага, парни тоже. Женщина пробует идти еще быстрее. Женщина почти бежит. Тогда один из парней внезапно падает и подшибает женщину. Женщина вскрикнув, упала.

— Вы что, хулиганите?—говорит подбегая slučajный прохожий.

— А ты откуда такой сорвался?—спрашивает парня, напуган на зашитина грудию.

Но увидев, что тот не один, что вокруг упавшей женщины стоимась люди, помогаю ей встать,—парень вдруг протрезно умалчивает.—По незначности упала, скажешь, а что гражданку урони,—грустный факт.

И повернувшись, он намеревается уйти.

Факт фактом, а пойдете, гражданин, в милицию,—скака человек в военной шинели.

— Это зачем же в милицию? И вылезает перед гражданкой ногу, опять же скажешь,—заговорил парень веселым тоном.

В отделении вылезает, пойдете,—скака человек в шинели, берет парня за руку.

— Пусти, я и так пойду,—парахулся в сторону парень.—В отделении разберемь, какое вы имеете право арестовывать да руки ломать—посмотря!—приворбета вид оскорбленного достоинства, бормочет парень.

Хулиганство—огромное зло,—это для всех истина. Но что хулиганство—маскировка, хитрый манер классового врага,—это не все еще научились понимать. Под хулиганством наш уголовный кодекс в 1922 г. (ст. 176) понимал «озорное бездельное, сопряженное с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом, действие». Хороши бесцельные действия! Хорошее неуважение к личности.

когда хулиган садит финку в бок коммунисту или комсомольцу, чинившему препятствия его хулиганским действиям. Впоследствии конечно редакция статьи кодекса была соответственно изменена. Но былы тенденции у некоторых юристов толковать этого периода револуции к периоду ее будущей. Случно стало ребятам—они и блуют».

Групповое изнасилование, налеты на клубы объясняя, видите ли, «действием массового психоза», об изнасиловании «ролью темперамента», «бытовым познанием». Говорим даже много о «биологическом характере» хулиганства но скрывают объективно контрреволюционный характер хулиганства ученые такого толка воздерживались. В период 1925/26 г. хулиганство развинулось особенно широко. В этот период у нас была среди молодежи безработица. Хулиганство произошло и сильно процветало в среде безработной рабочей молодежи. Оправившись после потрясения мелкие лавочки в период нпня являлись идеальными авантюристскими хулиганства.

В одном из переулков на Сретенке покая. Работан в ней всего два мастера, двое братьев. Парикмахерская являлась неофициальным штабом группы сухаревских спекулянтов (Сейчас мы это знаем, а в то время Сухарев был station, но тогда была Сухарев). Двое братьев помимо того, что стригли, брили, зашивали,—занимались посылно спекуляцией. Частенько после того, как двери

«Парный» парень»

магазина заперлись, с черного хода в парикмахерскую собирались люди в коротких брюках с гитарами, девушками и волной. Маленький дом дрожал, вьед, стояла от грохота ног.

Председателем домоуправления была комсомолка Коля Лаврова. Она неоднократно предупреждала парикмахеров, что помещене домоуправление им слает под магазин, а не под забак и спекулятивные операции, но за это предупреждение парикмахеры отвечали руганью и угрозами.

Одна из понож была особенно шумной. Лаврова спустилась вниз и потребовала от парикмахеров немедленно прекратить шум, иначе он вавят в милицию.

В магазине все уже было пьяны. Лаврова астрельна готогом и свистом.

— Его бы, Васяка, побрить бы, а то какой некрасивый!—скавал один из парикмахеров Василию Горбачеву—дворнику, принаследившему только потому, что он ловко брочил за гитаре.

— Верно,—расхохотался тот,—постой и теби, парень, сейчас побриво.

И Горбачев направился к Коле с бритвой в руке, которую сунул ему один из парикмахеров.

Лаврова кричала, отбивалась, обивалась кровью.

На суде все участники вечеринки единогласно свидетельствовали, что виновной всему Лаврова Горбачев. С большим трудом прокурору удалось доказать, что истинное положение дела.

Статистические данные ясно характеризуют ведущую роль в хулиганстве именно молодой публики. Комсомол мобилизовала силы на борьбу с хулиганством. В тот период почти в каждом районе Комсомольской правды обустраивалась местная борьба с втем злом. Решительные меры революционной законности, широкая мас-

совая работа и наконец начало мелких работ привели к тому, что всей рабочей молодежи мы сумели дать точку трудовой опоры.

Сегодня парень, работа на производстве хотя бы чернорабочим, знает, что если он слышет зашуметь на технических курсах,—он приобретает квалификацию, работая квалифицированным рабочим и дальше учась,—он может стать мастером. При за водах есть вузы, техникумы; если у парня есть желание,—он может стать техником, инженером. Сегодня молодежи уверена в завтрашнем дне, она знает реальные перспективы своего развития. Безработица нет. Основной базис для развития хулиганства среди рабочей молодежи не существует. Но хулиганство есть. Откуда же оно берется? Кто же они, эти хулиганы?

Классовый враг маневрирует, измывает различные способы маскировки и места. В деревне—это в первую голову дети разкулаченных. Эти «дети» устраиваются иногда очень неплохо. Выгодам хорошо сработанной «линии» они работают в кооперативах, проделывают в комсомол или, в худшем случае, являются простыми «смирными» колхозниками. Но разве можно забыть былое благополучие, бывле устроившие деревни, а также свои со своей убежкою хрониче сапоги с глицером? Нет, этого забыть нельзя. Что они могут найти в колхозе родного и хорошего? Ничего. Им случно «во колхозе», они «разделкаются».

Перезреть для «шутки» построму у подпольи для упомощенного по неблагоустроенным, «длая смелую» ампутировать керосин из бочек, припасенных для тракторов, от «скупки» «мечания» поджечь сквердыне необходимого хлеба. Вот как порой «разделкаются» наши задние враги в деревне.

Колод имени Красинья зорь забавляло стурбами. Но сколько всю эту снежную неразбериху аведами бардо горят огни электрических ламп собственной электростанции.

Шалунится летний снег. В копошине воляется двое ребят. Занимают лошадей, чтобы отвезти на станцию партию молока.

— Нию—стерла!—кричет парень, автаивная подпругу, и со всего размаха ударяет ногой в живот маленькую, дохлую лошадку.

— Ты, лече. Серга, жербыл ведь.

— Нехай же,—отвечает Серга и еще раз вез без всякой цели пиняет лошадей.—Нехай—трактор кулям, на чем веселее!

Нагруженные бадами лошади идут осторожно; быстрее везать, иначе на ухабах силы перевернутся. Сдав на станции молоко, потоптавшись в баденной и вывукру по парижское, оба парня возвращаются к своим полям. Серга покрепче закидывается в

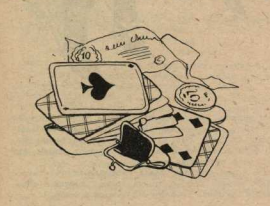
Дать веселую жизнь!

подушкой, затянута покоем и играющим голосом говорит своему приятелю:

— Давид, Семса, наперсники.
И вытаскив из порядка длинную, гибкую ленту, свистящую резку ею водит.
— Серга, стой по дороге на санях, даю вам и гнал. Ах, давай неси, комья сита астам в под-чок. Я так председателю пропойной комиссии даю приказ по эскадрону. Гони по краснойной.
По краснойной сорами. Чумичек скодла в гор-род и приводе несколько мотрой воды.
Началась вышка. Эркин на минуту исеч, потом снова повалил и сказал сияя:
— Ребят, нас девчата из женского барака в себе зовут.
На самом деле их никто не звал. Ребят гурьбой пошла в барак. Увидев вьеную толду, женщин начал их гнать, но те, будучи вполне уверены, что их действительно кто-то приглашал, не уходили.
Староста барака, выслушав толкотню, выбежал на улицу. Навстречу ей понался председатель стройкома, возвращавшийся вместе с группой рабочих с собрания. Она попросила его отвести хуанганов. Председатель пошел в барак, первый, с кем он столкнул-

Серга Званцова сумки.
— Человек, который портит общественную собственность,—это кулацкий отродь!—сказал общественный обвинитель Павел Васильев.—Званцов свелован хуанганов, арестованных попутков. Буги наши, проночка и хаюма, действующая именно так, как сделала сейчас хуанган—Сергей Званцов.

Несколько удается конечно устроиться изобретениям «новозападных».
Тогда они ищут другие пути. Наши гитанизне новозападные методы сотен тысяч людей. Враги пользуются случаем и провозвот на строительство. Они быстро творят ориентироты. Здесь они сменяются с людьми из города, но сумевшими так, вновь себе наладить уютной жизни.

Они—веселые экспериментаторы. Они кадают в озвучку бетонной деревянные чулки, чтобы узнать—измеряют после этого колоды, тяжёлые криши как рухнет. Они любят жизнь ассубу и привлекую. Они проявляют исключительные способности в организации традиционных попок в бараках. Они складуют и раскладывают традици «слов и чушек». Они полны воинственно-патристического пыла. Они вызывают и вдохновляют побоще между бараками. Они проявляют живейший интерес к такой народности, чтобы потом транзит и издаться над той за то, что ты удержив, серей или полка.

На новозападных мы должны быть особенно беспощадны. И если общественные организации, в первую голову комсомольские, не сумели при первых проявлениях хуанганства развернуть широкую кампанию по борьбе с хуанганством, мы должны сделать суровые выводы.

Мы живем в своей рутке клубов со всем инвентарем, званием и активом, хором оборудованных стадионах. Но разве мы достаточно используем этот великий инструмент учебнейшей культурной работы? А ведь сам мы не мобилизуем молодежи—се мобилизуем вред. Наряду с чудачдми людьми слышно да рязом от скуки—от того, что ребятам после работы нечего делать, от того, что комсомоло плохо борется за молодежь в быту—хуанганит наши рабочие парни. Хуанганство evidentemente, им больше и заражает очень много от скуки, при плохо организованной массовой работе.

Крематистрой. Строится величайший в мире машинотранспортный завод. На строительстве прибыла группа московских электростроителей. Все—молдежь, недавно окончившая электротехнический курс; среди них много комсомольцев. Работа по электросетям еще не началась, ребята проводили пока лишь на другую работу. Они отказались, мотивируя свой отказ отсутствием спецадела. Сочинив отмаз и мотивирован—Эркин (он от своего папы отказался через газету) и Чумичек, вытиснивший из комсомоло. Молодые люди живут три недели на строительстве и ничего не делали. Сам их к кому не ходили и их не беспокоили. Комсомольские организации на строительстве знали о приезде москвичей. Даже как-то завороч обмялись, что-ле не

плохо, что москвичи приехали, народ должно быть культурный... но пойти к ребятам, пронаблюдать с ними, ориентировать их—никто не догадался. Комитет ждал, когда придут к нему, а москвичи ждали коивать.

— Работа,—сказал Эркин,—заверш—новый год. Я как председателю пропойной комиссии даю приказ по эскадрону. Гони по краснойной.

По краснойной сорами. Чумичек скодла в гор-род и приводе несколько мотрой воды.

Началась вышка. Эркин на минуту исеч, потом снова повалил и сказал сияя:

— Ребят, нас девчата из женского барака в себе зовут.

На самом деле их никто не звал. Ребят гурьбой пошла в барак. Увидев вьеную толду, женщин начал их гнать, но те, будучи вполне уверены, что их действительно кто-то приглашал, не уходили.

Староста барака, выслушав толкотню, выбежал на улицу. Навстречу ей понался председатель стройкома, возвращавшийся вместе с группой рабочих с собрания. Она попросила его отвести хуанганов. Председатель пошел в барак, первый, с кем он столкнул-

— Человек, который портит общественную собственность,—это кулацкий отродь!—сказал общественный обвинитель Павел Васильев.—Званцов свелован хуанганов, арестованных попутков. Буги наши, проночка и хаюма, действующая именно так, как сделала сейчас хуанган—Сергей Званцов.

В гитак «Гон со вышкой»

к такому же случаю—хуанганство, там сияет еще несколько неприкаянных. От нечего делать переключаются в карточки. Тутто глядя на карты с их символическими знаками окур и скуки, ребята да начал играть по-дралым. Потом ставна увеличилась. От карточна переключат в вилешко, от вилешко к окур и дракам. Большое место в быту и жизни нашей молодежи занимают вечерки, конечно с выпивкой, поедующими играми.

На этих вечерках любознательны фигуры так называемых «вирховых парней». Внешне они выглядят как ослепительный, до умопомрачения блестящий джарк, аркая рубашка с металлической застежкой «молния», костюм моден до преувеличения и полноты. Этот парень умеет плясать, умеет веть по манаси, бранить на гитаре, знает уму аскалотов. Он развешивает спонсоритивно трусы с лезовиками, уверенный в своем превосходстве, в то же время кокетлив и женствен, разговаривая, пересыпает блестящими словечками.

Он является свой парен среди деловых. Костюмы, свергающие новизну нескольких пар ботинок, поставившие монету для вилешко—из одной толкаю получки не возьмешь. На производстве этот тип хуанганит, на производстве ему скучно. Производство—это случайная необходимость—не для дел,—лет ему лучше провести свободное полонение. Он прогуливается, болтает. Своим программ он умеет заманивать. Он старается подружиться с мастером, табельщиком. Он приглашает их на вечеринки. Он имеет возможность каждый день ходить на вечерки, его как несколько «фургокатого» парня приглашают на вечерники всуду. И это его оружие, его капитал. Есть ребята, которые относятся к нему с возмущением, они злопамывают, чтобы через него попасть на вечерки. Он вертит эти ребятами, как хочет. Это новый тип парадата. Он борется с нами, с комсомолом, с общественностью в быту, ядовитым и гибким оружием вечерок.

Кауо—вот где центр сосредоточения сил борьбы с вилешком вьрта в быту. Новые формы, замаскированные и изощренные, должны своей рязом и всецело уничтожить в вилешко синую и глупую вечерку.

У нас при милиции существует Осодима—объект содействия милиции. Наряду с массовой воспитательной работой выло изостало оружие вилешко. Институтного воодствения, надо прямо сказать, что комсомольские организации не сумели правильно оценить и серьезно отнестись к работе Осодима. Осодима не стал серьезным оружием против хуанганства, осодима—лишь, часть, не пользующаяся ни авторитетом, ни уважением. Вокруг Осодима не поднята серьезная работа.

Были курьезы. Пионеры регина, не в пример комсомольцам, включались в Осодима целыми отрядами. Кто-то допускал такое глумительство. Странно было видеть, как какой-нибудь мальчик тизу за рутку подвыпитого гражданина в милицию усердно дует в свисток. Чеки при этом у него так надувались, что казалось, что вот еще немного и они улетят в небо. Подвыпитый гражданин, правда, шел, опомомленный столь необычным балластем порядка.

Будет время, мы в этом непоколебимо уверены, когда милиция нечего будет делать. Но сейчас будем блестящих товарищи. Хуанганство—это конуляция изымающегося кассового врага.

си,—был Чумичек. Увидя председателя, Чумичек сказал, ухмыляясь:

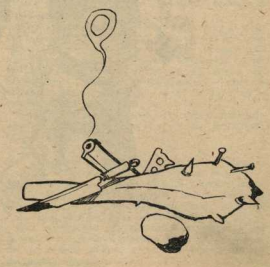
— Ты давай толпой отсюда поменьше. И загородна влод.

— Пусти,—сказал председатель и хотел пройти.

— А ты так,—завыл Чумичек и ударил председателю по янцу, убежал в барак и закричал:

— Ребят, там шпана пришла, бить хочет.

Началась драка и только после того, как председатель несколько раз выстремля в воздух, хуанганы отстали. На суде рабочий общественности требовала самого строгого наказания хуанганам. Но рабочие также требовали к ответу и комсомольских работников, которые не сумели во-время проверить прибывших и охватить их своими выльемом через кружки, школы и клубы.

Очень много рабочих парней перерождается в хуанганов? Мы не всегда умеем сделать работу клубов интрьесной. Наши спортивные организации замыкаются в свои рамки спортивства и забывают о повседневной массовой работе с неорганизованной молодежью. Парою скажу, он не знает, что бы придумать такое занимательное и интересное. Он идет

ПОСЛЕДНИЙ БАТРАК*

Сбежавший от расквашивания предводитель секты «беинов» Карп Исачик сколачивает в городе артель дружинок и устрояется на фабрике при содействии инженера Аленды, сына фабриканта. Батрак Платон, работавший у Карпа Исачика в деревне и втянутый им в торг, начинает распознавать кулацкий характер артели и сблизается с комсомольцами фабрики. Случайно Платон подслушивает разговор между инженерами Алендой и Ладой, дозором Карпа Исачика. Речь идет о каком-то кристалле, о каком-то рабочем изобретении (Ладя работает в земической лаборатории завода).

Карпа Исачика начинает беспокоит поведение бывшего батрака. По его заданию, Платона знакомят с домработницей Дусей. В артели рассчитывают, что это знакомство привлечет внимание Платона в артуру сторону.

● **Н**а другой день Коноплинские шепотком справились у Луточки:
— Ну, как, люби ты бох, по сердцу им пришлась кругляшечка-то?

— Ой, хороша—восторожно отозвался Луточка,—место минерала.

— Тот-то,—обрыдовался Коноплинщик,—это не то, что твой червячий шкелетник. Совсем другой вкус. Эта пощаде будет.

В тот день в столове, после обеда, Луточку оставила Сидела:

— Ерошкин, мы тебя выдвинули в комиссию составления при нашей столовке.

— А что мне делать в комиссии?

— Помогать, контролировать... Да там, в комиссии, тебе точно обрисуют все фигуры.

● **Л**уточка стал теперь деривик и алэм.

Каждый вечер он уходил куда-нибудь, и когда Карп Исачик вопрошал: «Куда ты?», Луточка не торопясь отвечал: «К Халичке я погулять», а говорил твердо: «Что ж мне теперь—никуда и не вмиг? Куда хочу, туда и пойду».

Как-то с комиссией содействия он проверил состояние кухни и распределение продуктов в комсомольской столовой. Кто-то подошел сюда и все самлично проинспектировал на ужо:

— Вот я скажу Карпу Исачику, что ты с комсомольцами завладелся. Он же покажет...

Луточка оглянулся и узнал поговорил повара-попуту советчицу Карпа Исачика. Эта жирная баба была обращена в секту месца два назад и на молодых приглашалась Карпу Исачику. Луточка, посмотрев на нее и ответил спокойно:
— Повар—вакало, што ли? Плюю я на твоего Карпа Исачика.

— Ай-ай-ай,—указулася баба,—такие слова ты говоришь про своего воспитателя! Так это ты ему благодарность высказываешь?

— Он не воспитатель, а эксплоататор...

Баба в ужасе отскочила от него.

Луточка теперь начал бродить по клубу и интрига

заходила к Кате Цихон за книжками. Книжки он брал также на библиотеки, но те, что принадлежали Кате, принятые было читать.

В комнате Кати Цихон Луточка написал и задаление в комсомол. Однажды после занятной прищипки Кати известил:

— Ладка, завтра в восемь комсомольское собрание... Обязательнo приходи. Тебя примут в члены.

Он как домыслил наступление вечера. И пришла на собрание на полчаса раньше. Но вопреки вечной привычке опаздывать на собрания все уже собралось. Зал кишел, гудел, в настроении ребят чувствовалось что-то необычайное. Луточка отискал глазами Катю в кругу спорящих комсомольцев и подошел послушать.

— Нет, я осуждаю поступок Сорвачева. Это отсутствие силм воли, это дезертирство,—говорила Катя.

— Но ведь он хотел доказать, что изобретение чрезвычайно ценно.

— Затравил парня!

— Хода ему не давали!

— Дурак-он... Не мог в РКК содейств!

— Я не поверю, что у него не было другого выхода!

— Да что говорить, товарищи?... Все считали его дурачком. Верно ведь? Поменялся, зюа, парень со своим крителем. Техническая комиссия пришла, но критика вышла не гудом. На испытании справных четверть метра товара... Вот он и не выдержал. Пробовал парень оправдаться, доказать, бился, бился, ну и...

— А вы, товарищи, где были?—закричала Катя.—Вы... мы... прогласили парня.

Секретарь комсомольского коллектива попросил занять место и начал собрание.

Но подливая големы, он предложил прочитать письмо комсомольца Сорвачева изгаванном.

Вышел из клуба после собрания, Луточка очутился рядом с Катей Цихон.

— Ну, Ладя, поздравляю,—сказала Катя сурово,—от души поздравляю. В твоей жизни это исторический день—ты стал комсомольцем. Те

перь надо работать и учиться изо всех сил. Ты

сам видишь, как много перед нами работы. Возьми случай с Сорвачевым. Парень пал жертвой классово борьбы. Это на первый взгляд непонятно, но если всмотреться глубже, то станет ясно, что это дело классовых врагов...

— Ее яркое быстрое глаза смотрели сейчас умно, голос звучал твердо, и эта тонкая девушка показывалась Луточке стойким и смелым воином.

● **С**тепанный шутовско шапелуа Луточку по затекам.

— Что задумался... От дум с уа содейств, аа бы застрелился. Вот сквазаво один катуа думалет повзвачер застремился. Молодому думать нет ничего вреднее. В комсомольцах надо, книжки читать и домысливать—парашкура в себя не льво-льво-льво.

— Не врй,—остановила его Луточка.—Не от книжек он застремился. Изобретение его погубило...

— Вот по-моему и выходит. Изобретение-то откуда? От книжек. Книжки его погубили!.. А ты, Луточка, уж не в комсомол ли застремился?

— А тебе какое дело? Захочу и зашинусу—не оставишь.

— Ох, хл, хл!—многочислительно прохлал Степанный.—Вон какую слаботу ты себе забрала. Надо будет от зыи спазать Карпу Исачику...

— Иди, говори... Скрывался от Степального, Луточка налетел на Коноплинщана.

— Ну, Луточка, люби ты бох, с голтушечкой как у тебя дела, додумывайся!

Луточка с неизменною посмотрев на его додо-тообразную физиономию:

— Подгадывает на кулява в рожку.

— Коноплинские презрительно халезнилка!

— Знайци, Луточка, люби ты бох, у тебя тодуку нехватает. Было бестолковой ты найдет джов-то-то. Голтушечку-то у тебе какую подлобар,—того гадки растопили на солнышке, а ты топущулася с ней маломочено. Говорено же тебе—бери прямо за зербя.

— Гай она не рыба, а человек. Язык зметет силу...

— Вот еще... Черемониться с ним! От таких дум ты и ешь такой маломочный...

— Подымь вагоны! Даа! вентурици. Артель направилась к вагонам. Поменялся Карп Исачику.

— Сходи к вагону приготовьте—бочки будем выпружать!—крикнул он.

— Степанный и Коноплинщик на рыхлах поспешали к Карпу Исачику. Минут через десять навалили круглые складки с дельм и дельм вагона. Ну, надо было выпружать синиловые бочки с кислотой.

Луточка первый попробовала спустить бочку, но она так потянула вниз, что он в один миг смежнул: бочка вырвется и сбросит его самого со складки. Напряжением всех сил он вернул бочке прежние положение и закричал Карпу Исачику:

— Веревок давай! На веревках надо спускаться...
— Сама скатится... Пусти еси!—крикнул Карп Исачику.

— Равоблется...
— Пускай, говорит тебе.

Луточка направил бочку и разжал руки. Бочка-пущенным ядром сметела вниз. Сейчас же последнего подкатили бочку Коноплинщик с Хыльчикою и...

— Бе-е-ей!—неуступливо крикнул Карп Исачику

* Окончание. Начало см. «Смена» №№ 1-2 и 3-4.

стоакиши ее вина. Вторая бочка так же стремительно скатывалась на землю и со всего размаха хрюснула о перуны. За ней прогрохотали третья, четвертая. Пятую выкатил Лутушка и остановился у складки. Все видели, что он дрожал и походил на сторону обезумевшим глазами. Хитичка и Коноплянкин, стоявшие рядом с ним, издуптались. И в самом деле: парням было страшно.

— Но Лутушка сдерживала себя.

— Карп Исачи, на веревках бы... жалобно замолел он — а то ведь все погубил!

— Капусту, сволочь... ударивать не хочешь? Лутушка сразу обмяк. Привычка беспрерывно повторяться громкому окрику хозяйки еще сильнее держала его.

Он закрутил глаза и отступил zurück. Подкатив к складкам третью бочку, Лутушка увидела лужу viscosity вокруг скользящих бочек. Он как бы ослепел и тяжело, как бывает только во сне, как вылез лязгом, промочив:

— Я теперь не маленький... И... — ко-фисомовал! Ты меня, гад, не проведешь! Беги на веревках, больше ни одной бочки не пушу.

В жизни Карпа Исачина это было исключительным случаем. Он победил весь и поднял над головой кулаки:

— Капусту, шарь поганая, а не то я тебя в порожню сотру!

— Без веревки не пушу. Ты слак фабрику остановил... — твердая сказала Лутушка.

Карп Исачи подбежал к складкам.

— Коноплянкин, дай ему в переносное...

Выплатила только призва. Коноплянкин замкнулся, но Лутушка успела качнуть голову и ударила его по лавочке. В тот же миг Коноплянкин получил от Лутушки удар руко и свалился с ног. Хитичка сразу оттолкнула бочку, ударила в край, отчего бочка выскочила и упала, разгневшись до конца до земли. Тотчас же песок обочек бочек пошел.

Лутушка приблизив свое лицо к лицу Хитички и прошептала ему:

— Шчо-ч-бы?

— Ведь дерма-то... чай не мос... трусино пробороздил Хитичка и попробовала ульясьши усмехнуться.

Лутушка ударила его в лицо распорнутой пивной левой рукой.

В эту секунду Коноплянкин ударил Лутушку своей ослепкой по затылку, Лутушка устояла на ногах и бросилась на Коноплянкина, забившись в толпу зрителей. Лутушка ударила его сверху по голове. В тот же миг удар от Степалько по левой стороне лица. Лутушка тогда обомлела, этому удару, имея теперь полную право обрушиться на неизвестного Степалько. Он падал вниз, но как человек. Степальки, он видел в нем только туза, которое оттолкнула с бочком бродягу и паклятка. Зависит кулаками Лутушка ударила Степалько в живот. Степальки крикнул и метно свалился, как вятник кулака. Лутушка уло было несколько секунд. Показав и мешая друг другу, они несомненно прамме сводитесь только к толпе. Она била по спине, и сейчас все свали, ринулся на толпу. Он бил и поглаз, но свалил, бум под здыкненью. Противники не оставались в долгу, но он била бо-го-го-го силек. В этой драке он выжила все здыкненью, все ненависть в своей прелестной жизни, и это удивляло его само. Громко ударило его сбросил на складки. Лутушка уло и покатился вниз. Хотел скончить, но тут Карп Исачи столкнул его на спину. Он упал на спину. Лутушка мертвой хваткой обурла его ноги правой рукой, левой она выжила и в секунду перевернула его через голову. В тот же момент он припалав его колышней.

— Псайте! — зымя Карп Исачи.

Глаза его замигали, лицо омертвело от страха. Лутушка с отражением отсутствия кулака на его хари и поднялась.

Но тут налетел выпрыгнувший из вагона.

— Бе-е-ей! — наступилоня крикнул Карп Исачи.

Лутушка вскрутила. Надо вырваться и бежать, бежать... Он выжила, но на него тут же на-сел, Переброви через голову двух человек, и все нечеловеческими усилиями пригнался всех разбрасывать и бит по сердцу.

Ну, в яворов же, гадешин... услышала он за своей спиной.

Оббежав метров на сто, Лутушка обернулась и прокричала:

— Сволочи... кулаки... Все, все расскать!! И будет вам: что жидь видненья, а я тебя нет!!

При этих словах Лутушка сложил دستа-дестав по два пальца той и другой руки и приставил эти рещуки к правому глазу. Карп Исачи делавно захлопнул и с приторной бесцельностью махнул рукой.

— Дуй... Рассказывай... только помни: если мы будем за рещутой, так тебе быть в могиле.

Лутушка выбежала на улицу и пошла, еле переводя дух, по направлению к фабрике.

Только сейчас он почувствовал, как его избил.

Ногти запытались. Подбитые глаза видны плохо.

В правом боку что-то кололо, будто туда забили гвоздь.

В розовом полозном весеннего света армейки устало от недолгой апрельской сажитки и несогласно дома, забор, деревья и тумбы. Лутушка затолтелось уступить на эту травку, что уже выросла в кизило, разбросав свое тинское тело так, чтобы всякая жидочка отдышалась, и крико спать, спать.

«А бочку-то как? И за рещуку их надо посадить. Ты меня видненья, и тебя нет...»

Сознание помотула, голова свалилась на плечо, но Лутушка, метаясь на стороне к сторуку, двинулась вперед.

Где-то далеко взгляда духовой остроты.

— Все-е болят... Скажу-и спать... Две недальне-говорила Лутушка, напрягая последние силы. Его полупутиль и он ухаживал плечом об аршиную бочку.

Оркост тянул однополонный мотив.

Черная стройная лошадь, покрытая грязной белой сеткой, брела спокойно. На катафале стояла привалявшаяся платочком красной руби. Незаброуное солнце сыдало лучами в желтое лицо мертвеца.

Два парничка несли на головах корзину гроба с венок.

— Да это ж Сарвачева понесли... — догадался Лутушка.

Появив всех сак изаочин. В пролесте палкаа, спорившись, старушка, ее подпорившая какая-то жидичка, Лутушка тогда обомлела.

Лутушка с великим трудом пошла дальше.

● Наконец показались фабричные ворота, в которые в эту минуту везла

Лиду, которая возвращалась с работы.

— Лутушка, ты куда? — окликнула она его.

Лутушка остановилась и не знала, что ответить.

Лида подошла ближе. Она выглядела бледной, рыской.

— Кто это тебя так раздала... Мордочка вся в крови и синяках, руки в кров. С кем это ты раздарилась?

— Меня била, обещай меня?

— Я выжила, еще когда со ставненьи. Да дома она заставала его умирать, сама принесла ему ест. После обеда Лутушка свалилась на койку.

— Спи... сказала Лида, — в кизю я тебя разбуку.

Связоз на Лутушка сымлаа, как пришла Карп Исачи. Он кричал, ругался и рвался в комнату, но Лида его не пустила.

Карп Исачи собирался выгнать Лутушку из дому, но Лида дожала отцу, что зтим только его здыкнень и окончательно восстановнн против себя. Надо успокоить его, заоборить, обласкать, чтобы он стал благодарным и послушным, потом под благовидным предлогом выгнать нн из дому, но непременно в какой-нибудь глухой город, а то он становится здесь опасным для их дела.

Карп Исачи и на этот раз сдал перед неопровержимыми доводами дочери и разрешил ей действовать по-своему.

● Вечером он встал сам: память подскочила, ала, что время итти в кизю.

Тело ломало еще больше, но он умался, посмотрел в зеркало, помял синяки и постучался к Лиде, которая незамедлительно разрешила ему войти.

— Пора итти... сказала он входи.

Она пригналась его зюстом сестр рядом с ней на диван и пригнала к его плечу. Лутушка обязана ее обнимать руками и зстыла, обдумывая, что предпринять дальше.

...черная лошадь брела спокойно

нему, — ты ведь знаешь, что теперь аставляют ударивать, чтобы скорее, как можно скорее сдаться. Ну вот артель и ударивачит... спускает бочки прямо без всякого тана...

— Да вить бочку-то бьютса, теку!

— Подумаешь, какая важность — бочка разбилась! Это по закону спускается безо всяких разговоров. Бьют по спускается. Ты не прикинься артелью своего тини бочни, как зычю! — воскликнула она.

— Ну, ты и чудачок, как и посмотри. Ты бы пришла, рассказав, что не-за бочек дралса, так на тебя бы только посмеялись и попросили бы итти.

Лутушка не возрыкала и не соглашалась.

— Знаешь что, Лутушочка... уяз-мивала она его, — здем сегодня вечером в кизю.

— В кизю... — обрадовалась Лутушка, — с самой рад угудала: очень мне в кизю отхотел. Идем.

— Ты знаешь, любими меня?

— Я выжила, еще когда со ставненьи. Да дома она заставала его умирать, сама принесла ему ест. После обеда Лутушка свалилась на койку.

— Спи... сказала Лида, — в кизю я тебя разбуку.

Связоз на Лутушка сымлаа, как пришла Карп Исачи. Он кричал, ругался и рвался в комнату, но Лида его не пустила.

Карп Исачи собирался выгнать Лутушку из дому, но Лида дожала отцу, что зтим только его здыкнень и окончательно восстановнн против себя. Надо успокоить его, заоборить, обласкать, чтобы он стал благодарным и послушным, потом под благовидным предлогом выгнать нн из дому, но непременно в какой-нибудь глухой город, а то он становится здесь опасным для их дела.

Карп Исачи и на этот раз сдал перед неопровержимыми доводами дочери и разрешил ей действовать по-своему.

● Вечером он встал сам: память подскочила, ала, что время итти в кизю.

Тело ломало еще больше, но он умался, посмотрел в зеркало, помял синяки и постучался к Лиде, которая незамедлительно разрешила ему войти.

— Пора итти... сказала он входи.

Она пригналась его зюстом сестр рядом с ней на диван и пригнала к его плечу. Лутушка обязана ее обнимать руками и зстыла, обдумывая, что предпринять дальше.

— Лютючка, а ведь я могла бы за тебя выйти замуж, если бы ты был ученик.

— А ты нехалка?

— Так мы завтрашний не сойдемся. Надо быть общим учеником. А ведь это можно сделать. Вот сейчас проводится прием на сельскохозяйственной фабрике в городе Майск—сто десять верст отсюда. Будешь, мы и поженемся.

Лютюшка не успела ответить. Пришла пионер Лешова и звала Лютю за другую комнату.

Все ее сегодняшняя ласковость показалась Лютюшке приторной, инскриновой:

— Да ведь это она пашулу своего покрывает...

Лютюшка пошла в туалет.

— Секретно все разговорывают. Послушай историю.

Он прыгнул ужом к стене. Ничего не было слышно.

Дождясь Лиды, он стал рассматривать фотографии над диваном.

...Да что вышло мне пристали со своим гонимым—ядругу громко прозвучала голос Лиды.

— Тише, тише, погубишь! Ничего стеснясь—пришла Лешова. И опять все смолкло.

— Наверно к ней с женихом наизнается, сватает,—успехнулся Лютюшка.—У всех этих гостей фамилии какие-то чудные: Лешова, Шухт, Гонимар.

Возила Лидя, красная, взломанная.

— В кино идти нам сегодня не придется, я занята. Тебе жулик покой. Иди ложись. Вот можешь почитать, очень замечательный роман: «Дорога к тебе»,—он отпустился. Я его читала два раза.

Лютюшка машинально взял книжку и пошел в свою комнату.

Ведь она залпала платером, раздался хохот мужчин.

— Пировать выходи—констатировала Лютюшка.— Сегодня завтра и Гонимар пошел. Уж и фамилия-де! Чуть-чуть не самовар. И будет она теперь Ли-

да Карлона Гонимар. Стерва, тоже со мной заговаривает, а сама замуж выскодит.

Шаманка ему обрадовалась, и Лютюшка усомнился, есть ли в природе такие фамилии. Он схватился за пиджачника и вытаскил из поля словарь. Книжка была покола на чмокалу: верхние листы задрожались, истергались, видна была десятка переломов, между страницами набалась махорка, хлебные крошечки, итти. Отряхнула ее, Лютюшка развернула словарь на букву «Г» и быстро нашел слово.

Гонимар,—прочитал он,—почетная плата или просто вознаграждение.

— Вот так здорово! Гонимар—это, значит, деньги, а я-то думала... Гестер!—обругал себя Лютюшка.—За что это ей платили?

И тут ему пришло в голову, что это же слово он как будто слышал в коридоре, когда случайно пришлось быть свидетелем разговора Лешова с Лидой. Тогда еще они несколько раз упоминали его Сорвачева... Это они, значит, разговаривали о том красоте и словарились все дело ему испортить. Это она, Лидка, согласилась за гонимар... Ах, гадока!

Лютюшка заметался по каморке, не зная, что теперь делать. Оставаться здесь было немисливо. А на улице ночь. О сне и думать не хотелось. Она решила сейчас же, немедленно, уйти. Вытащила из-под койки сундучок, зашла туда все свои пожитки и, притворив дверь, выткнула в коридор. Выход был свободен.

Из зала слышался тихий говор, сопровождавшийся шарканьем хохота. Очевидно кто-то расскашывал анекдоты.

Лютюшка тихо открыла дверь и вышла на улицу.

Весенняя прохладная ночь встретила его, как самотом, звавшим девочку смехом. Он вспомнил о Кате.

...В знакомом окне света не было, но Лютюшка все же постучался. На ступ откликнулся хозяин и на спрос ответил, что задрожались дома нет.

Лютюшка придула и пошла по порядку в некоторую кула, чувствуя себя затерянным и слепым.

Сундучок он теперь тащил за ручку, замок уже рвался о стену. Лютюшка бросил сундучок на землю и остановился.

— Вон Степан Халтурин,—сказал он вдруг—царя взрывал, динамит подпыхивал—ничего не боялся, а я шляпа, с одним кулаком справляюсь не могу... Да я его, ляру, завтра же съмучу.

Лютюшка приставила сундучок к забору и села на него, решив споротать тут ночь.

Покуривая и любясь цветением этого цыганки в темноте, Лютюшка подумал:

«А может она пришла и у нее в окне огонек?»

Лютюшка взяла сундучок и побоялась посмотреть. Окно поперекрестно темнело. Чем там сидеть у забора, лучше здесь сесть и смотреть на огонь—не жет огонька и появится.

Не прошло и получаса, как окно заветной комнаты осветилось.

Лютюшка обрадовалась и вскрикнула.

— Пришла.

Он обхватил рукой сундучок и побоялся. Минут через пять Катя отсушила ему дверь.

— С квартирой хавиной поутасался?—спокойно спросила она, когда Лютюшка, поставив сундучок у двери, села на ступ.

— От своего хозяина я убег—ответила она.—И сегодня все преступники Карла Исидра и его дочь утасала, и вот сейчас охота рассклатать тебе мою жизнь и кто они есть такие...

— Кто это такой Карл Исидра с дочкой?

— Мой хозяин... ты вот слушай.

— Рассказывай,—ответила Катя и села поудобнее.

М. ГОЛОДНЫЙ

КОММУНАРКА

Луч света
Из теневого царства,
Икона
И кнут над столом—
Так правили государством
Хозяева жизни в былом.
Ткачиха, кормилица, прачка,
Работница,
Женщина-мать,—
Кормилась
Законной подачкой.
Не смея о лучшей мечтать.
Ты двинулась в каторги,
В смелки,
Ты жребий борда приняла,—
Тебе говорили с ухмылкой:
«Ты жеңишную только была».
...Долой это тенево царство,
Икону
И кнут над столом!
Садись управлять государством.
Есть место тебе
За рулем.
Телупкин. Подползе. Разведки.
Барани.
Тифозные вши.
Ход назв. Бон пятинасти.
Победа. Ученье в глуши.
Ты в своем пекло
Вывазалась,
Ты в самое
Палам вошла,
Ты целому миру сказала:
«Не жеңишную только была».
Боец, командир, академик,
Учитель, профессор, судья,
Ты всюду проходишь,
Как время—
В нем
Равная доля твоя.
Несамышлю.
Как молишь, нестро
Пора боевал прошла.
Шумит
Твоя младшие сестры:
«Она коммунаркой была».
Луч света
Из теневого царства—
Чадящий отгарок в былом.
Мы правим с тобой
Государством
В четыре руки
За рулем.

Лютюшка вышагала с сундучком

ЕВГ. АБРОСИМОВ

ЛЮБОВЬ

Чувства умом не остудить.
Душа я, дунал беспечно,
Что ты меня вдруг полюбишь
И вместе мы будем вечно.
А вот подожгу к тебе в самом деле
При какой-то случайной встрече,
Волнуясь, дымало «Дела»,
Галку,
а говорить
не о чем.
Расскажи разве, что погода твоя,
Что звезды вверх подблескивают,
Что на Севере зима лиха,
Совны от мороза волкит с треском?
Расскажи о том, что в пекло у нас
Широко, светло—и поле слышно,
Что на красной доске мы стоим как раз,
Что бригада моя презмирована?

Но стоишь ты, красивая,
и
небрежно
Сматриваешь, как
женщины себя воображает.
Ты не та, о которой мечтал нежно,
Ты новая мне, чудная,
А недавно вместе в школе росли.
Вместе писанье писали,
На переменах разговоры ни о чем вели
И о любви ничего не знали.
А вот подожгу к тебе в самом деле
При какой-то случайной встрече,
Волнуясь, дымало «Дела»,
Галку,
а говорить
не о чем.

САМОДЕЯТЕЛИ

Художественная самодеятельность — надежный путь к выявлению талящихся в рабочей молодежи дарований и к правильной организации молодежного досуга. Мы приветствуем творческие соревнования „самодельцев“. Это увлекательное начинание несомненно дает новый толчок к оживлению самодеятельных кружков

с балабайкой под звуки марша несутся на лошади и от быстрого езда ветер хлещет в лицо и превращает в крылья полой кожаной куртки. Он подается вперед всем корпусом и пригибается еще ниже. Стул ерзает по полу и подпрыгивает на половицах.

Марш окончился, и откинувшись корпусом на спинку стула, Ягодкин осаживает невидимого козла. На сцене Кузнецов с маленькой задорной вертлягой походкой на конце носа. Он залезает на лодей а залу, на жену с трелетями ребенком в правом углу, на стол юри перед сценой и, оставив вперед правую ногу, начал читать «Левый марш» Маяковского. Он читает во весь голос, и лицо его от этого краснеет, кончик носа смотрит в потолок, и от угла губ протрунцая и носу две козлиные морщины.

Из правого угла раздается ребячий голос: — Папа! Папа!
— В зал! В зал! все обернувшись в ту сторону, откуда раздались крик, и кто-то громко простон: — Гражданин, выйдите с ребенком...
«Перегулался» — сообщает Кузнецов, голос его падает, им овладевает волнение, и, кончая концерт, он торопливо уходит.
Кузнецов — браковщик и, расхаживая теперь перед дверью комнаты, где совещается жюри, он какдый раз хватается за ручку двери, в нерешительности отпуская ее и упорно твердит: — Забракуют! Забракуют!.

Комбинат художественной самодеятельности при райкоме комсомола является творчески-методическим центром всей самодеятельности района. Он организует на участников конкурсы аттракционов для просмотра на весеннюю посевную.
Таковы результаты конкурса.

Развешаются листочки бескомырки, кабуки и подшоша не складается в ритмических движениях, кабуку отстывает свое, подшоша свое, каждая часть тела движется по-своему. Это представители райкомадта г. Пензенский исполняют вальс-четушу. Сотни глаз устремлены на его ноги. Задние ягодицы падают вниз, задние ягодицы поднимаются со стула, каждый на свое и интересно и не хочется ничего пропустить.
— Садитесь! Сесть надо! — раздается недоунованный крик. Меняются на сцене лица, инструменты, марши. Игнориста смеются акробаты, акробаты — певцы, балабайки, четуш...

И опять Москва приветствует весной конкурсе, теплом встречая выходящих слушателей и участников.

Конкурс открыла оркестр Мусокобината. Вокруг длинного стола перед сценой, бмства медью инструментов и усердно раздувая пюажрами щетки, сидели оркестранты. Сидела пятнадцатилетний Вася — в маленькой, туго облегающей голову кепке, с лицом влюбленным коньком, гордо держа впереди себя кларнет.

Всего Васю, казалось, можно было измерить двумя кларнетами. Напротив него выглядывала из-за баса, который твердо сидел на его ладках, алая Алексей. Он резко и отрывисто дул в валлоуны баса, и от каждого дуновения вылезал из старческого лица морщина, погоняя одна другую. А у Михешина подпрыгивали две обросших волосами бородавки на правой щеке, и казалось, что одна из них все время старалась шептаться к другой.

Звуча оркестра всколыхнула весь зал, они растворились под длинным полуovalым потолком, как выпущенный отработанный пар. Когда оркестр замолк и Вася, отбывая слону с туба, положил кларнет, и барабанный сложка успевших таракан, и бородавки Михешина на время затмили свою вражду, и в зал, открывшая стульями, все уселось. Пятнадцатых ладках доклад «О задачах самодеятельного искусства во второй пятилетке. Мерно раскатывается перед ним на шурках микророн. Спрятанные в двух продольных стенах зала органы начали перестрелку словами и фразами доклада.

Четверо ребят, как видно райкомовские акробаты, чертят схему своего логического номера и громко спорят между собой. На них беспрерывно свараются с большим неудовольствием соседи, но они делают вид, что ничего не замечают, и упорно продолжают спорить: — Я делал с Митькой стойку, ты вертешься...

Из прерывают шумные аплодисменты, встречающие артиста Большого театра Дровникова.

Обаждотившись на трибуну, он расквывает, как Басня, по прозвищу «гомологендер» на двадцать третьем году своей жизни не уменьшилась трех букв на заборе, стал солистом Большого театра. Каждое слово говорит о пройденной суровой школе, об упорной работе, о силе и необходимости большинства парности.

Вместо оркестра у стала перед сценой жюри: Дровникова, профессор Московкой консерватории, представители фабрик и заводов района, руководители самодеятельных коллективов, представителями районных и райкома комсомола.

На сцене строятся разных цехов завода «Серия и молот» Осипов и Столаров, в черных картузах, красных кумачевых рубашках, исполняют на тембоских роялях русские народные песни.

Сыстивно убаивается в зал какой-то старичок с белой бородой, пересеченной несказанными рыжими дорожками. Встают в его воображении деревен-

ская дорога, облако пыли, подлетает мушкетером, а замах распламенного солонца песка, зереманного с конюшк навозом, приятно цокает нос...

Менюются на сцене лица и инструменты. Хор домохозяйек смеются пляски, пласунки — музыканты...

Заключение Дровникова затинает «Дубинушку», и приле подхватывает зал. Первый приле подхватывает сначала робко и нетвердо, но густой бас Дровникова, как половаз учителя, придает каждому силу и уверенность. Бесь вал тонет в песне, и уже выходящих из зала долго провозводит до бескомыщности протяжное: — Де у-у-ухнет!

А на улице Москва приветствует весной открытие конкурса и теплом встречает выходящих слушателей и участников.

Конкурс длился двенадцать дней и промолотел 173 человек — одиночек самодеятельности. Инватор конкурсу — комсомола Пролетарского района Москвы. Залуча конкурсу — выявить самодеятельные силы одиночек района и наиболее способных из них послать на учебу и обединить в коллективы.

Ягодкин — рабочий-выдвиненный завода им. Войтовича оседла своим талантом стул и замах меж колес балабайку, исполняет марш Буденного. Ему кажется, что сам он вместе

О „ЧИСТОЙ ЛИРИКЕ“ И О СТИХАХ НЕДРИНА

Вопрос о характере советской лирики, о «различии» между лирикой и публицистической поэзией волнует молодежь.
Поэт Дмитрий Кедрин работает над циклом лирических стихотворений, отражающих быт рабочей молодежи.

Несколько его стихотворений были напечатаны в «Смене» (см. № 15 за 1932 г., № 1—2 за 1933 г.).

На собрании творческого коллектива «Смена» были подробно рассмотрены достижения и недостатки творческих опытов Кедрина. В обсуждении живейшее участие приняла поэтесса Вера Инбер. Мы печатаем обзорную стенограмму ее выступления.

Говоря о лирике вообще, мы должны прежде всего уяснить себе, что такое «чистая лирика» и какие к ней иногда примешиваются «нечистые» струи.

Главное определение лирики, Беллинский сказал, что лирическое стихотворение — это такое, которое углубляет наш опыт, в отличие от стихотворения эпического, распространяющего опыт в ширину. Определение это страдает схематизмом, но в основном оно ориентировано правильно.

Предметом лирической поэзии всегда были личные, глубже углубляющие переживания поэта. Главной особенностью старинной лирики было переживание к быту как к чему-то неизменяемому, неподвижному по сравнению с бытом. У Пушкина к это сравнительно широким введением быта в поэзию наблюдаются в иных случаях «антибытовая» тенденция. Возьмем хотя бы известное пушкинское стихотворение:

«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты».

Что можно сказать о женщине, к которой обращены эти строки? Можно сказать только то, что она совершенно бесплотна. Грудно представить обреченным в земные багмяки. И однако у нас имеются сведения, что стихотворение это было написано после того, как Пушкин посетил Анну Керн во время кулачьих, глубоко бытового факта. Но от быта у Пушкина бы окончательно утратила до самого тела, которым Пушкин любовался в себя кулачьих.

Вторжение быта в лирику было первой «нечистой» струей.

Особенно ошутливо быт вторгся в лирику акмеистов, а именно Ахматова например в стихах о любви передает мельчайшие бытовые подробности:

«Я слесал с ума, о мальчик страанный,
В окно в твой час».

Вероятно мне не придется долго доказывать, что или иное отображение быта всегда имеют совершенно определенную классовую окраску. Освещение бытовых поэмой бытового факта, сведение к этому, к какому классу принадлежит сам поэт и для кого он пишет.

Кедрин принадлежит к числу ярко выраженных «бытовонос», т. е. другим словами, в своем произведении он не скрывает этого отлагается в быт. И главное достоинство Кедрина именно то, что осознание быта у него социалистическое. Быт осознать человек социалистической эпохи. Отсюда оптимистический характер творчества Кедрина. Даже в лирической «Кулаке» вещь, на мой взгляд, наименее удачной во всех, есть этот зло-

ривый оптимизм, хотя быт в этой вещи выглядит мрачным и тяглым. Правда, выход из этого быта для бедной девочки с кулакой найден несколько кустарно. Ее спасатели — комсомольцы — несколько напоминают добрую фею в старинной сказке. Но все же выход найден. Выход всегда есть у Кедрина, а ведь этим в конечном итоге и определяется «нечистота» поэта, т. е. наш он или не наш поэт лирики для чужой.

После стихов Кедрина хочется жить и работать, а это есть подлинное социалистическое мироощущение. Это то, чем определяется искусство поэта в нашей стране.

Теперь хочу сказать несколько слов о сюжетности вещей Кедрина. Введение сюжета было второй «нечистой» струей лирики. Именно так и понимает сюжет Смирнов. Для Смирнова сюжет — это то, как все быстрое конструируется, выросло на сюжетных вещах в стихах. Может быть так, что и сюжет — это детская болтовня? Возможно. И все же через эту болтовню позволю пройти для общественному воспитанию.

Сюжет — прекрасный организатор материала. Овладев сюжетом, поэт овладевает материалом. Он владеет материалом, а не наоборот, что очень часто случается у нашей молодежи. Иной молодой поэт до такой степени увлекается в материале, что так и хочется бросить его спасательный круг. Сюжет — это дрезна, не дающая расплываться материалу в разные стороны.

Третьей «нечистой» струей лирики считалось введение в нее «журналистики» или «журнализма», введение в нее «журналистских» элементов. Именно так и определяет Смирнов. Опасения Смирнова напрасны. Генриху Гейне например «журнализм» не только не повредил, но сделал его знаменителем новой лирической школы.

Лирику можно считать социализмом. Вторжение в лирику быта, сюжета и «журнализма» с нашей творческой точки зрения не есть амутинские лирики, а ее обогащение и углубление. Конечно непреложным условием является происхождение всего этого через авторское «я» поэта. Его личное участие необходимо.

В вещах Кедрина есть все эти три элемента: быт, сюжет и публицистика. Но от этого они ничуть не менее лиричны.

Но у Кедрина есть другие особенности. Это в первую очередь чрезвычайная упоенность, очень сильная в таком молодом поэте.

Если бы я не знала о возрасте Кедрина, я, пожалуй, подумала бы, что это поэт нашей школы, а именно Ахматова. Правда, приемлющий мир без казды бы то ни было корректно.

Эта умиротворенность, эта упоенность Кедрина выражается в несколько искусственно, болтливостью как например в той же «Кулаке». Формализм, болтливость, вымарывается в необычайной гладкости стиха, что называется, «без шума и задоринки». Товарищи, выступавшие в приемах, правдиво отмечали эту подпорочную гладкость.

В. Инбер

появляется отсутствие свежести и смелости. Может быть Кедрину удастся все, что он задумал, именно потому, что он ошеломил само себя.

У Кедрина чрезвычайно много формальных проделаний: иногда это Салвинский, иногда «Генрих» Сельвинского, «Кулаке» так это ошутливо отмечалось критикой. Все это доказывает чрезвычайную упоенность поэта и в области формы. Зачем искать самому, когда можно взять у другого? И хотя Кедрин, возражая мне, утверждал, что в таком заимствовании (может быть даже новаторском) нет особого греха, я на этот счет другого мнения. Заимствуя форму, мы тем самым заимствуем и содержание. «Прошение», написанное под Салвинского, в содержании напоминает «Генрих» Сельвинского, «Кулаке» так это не что от сладости Вергилия и т. д. Проводил от этого, что нельзя отрывать форму от содержания. И заимствуя форму, мы тем самым заимствуем и содержание.

Кедрин утверждает (и верию ему), что он делает эти заимствования не нарочно. Но откуда берется такая повышенная чувствительность к посторонним влияниям, и литературным влиянием и стиховникам? Откуда такая изысканность? Все это только из от неспособности возмущения, утверждать себя поэмками, опираться на сочинения.

Я отнюдь не требую от Кедрина, чтобы он являлся к своим читателям в нарочито поэтической «прозе и буре».

Мы не требуем от него заимствований. Но мы хотим от него подлинного оптимизма, а не отвлеченного радостного тумана. Мы желаем его изменить свой поэтический язык. Вышли из стая умеренного языка.

Лично я считаю Кедрина одаренным поэтом. Мне было приятно услышать здесь его вещи, которые я не знала раньше. Но мне хотелось бы, чтобы много из того, что было сказано сегодня мной и другими товарищами, было им принято не только «с любовью», но и «к исполнению».

ВЕРА ИНБЕР

В. ЗАМЯТИН

МЫ ДЕД

Я не запалкал от деловых слов,
А только припомнил, как в проруби реж
Красных солдат — шнур отцов —
Замораживала белая.

По тлеу иному прикатился мурашки.
Смалас — дрень вагряла в губах...
Летит навстречу с коварной фуражки,
Взбесит само в стрелничке.

Пугаются ина на козальной морде...
Но хед, морщится у глаз сушня,
С умальгой показал на орден,
К которому прикатился Фрузе.

...Открыла завязку, глава проруби светлом.
Ветером вырвалась, пропугивала княжну.
Нольная гонимая полдет газету,
Какой баском, курчавый той парнишка...

Страница огляди! — Готовность утрони!
Враги у граши! — Моя месья строна!
Я влолд, ина влолд шить и строну!
И влолд учинять стрелать по врагам.

...И когда, предавала ильдянский свет,
Вечер влолд в наш дом, —
Мы в тире — в мой лед,
Целится в человека охватского с арестом.

Стихи на конкурс «Смена»

РАДИО ДЕЛАЕТ ПРЫЖОК

СТРАННАЯ ПЕРЕДАЧА

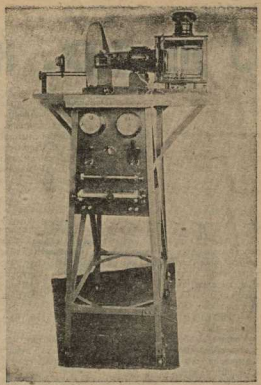
Наша наушники, после 12 час. ночи мы можем услышать странную передачу. Это — не музыка и не человеческая речь. Может быть, зюбка Морзе? Нет, и не она тоже. Атмосферные помехи? Да, их потрясающее зюбка недостаточное отверстие, а нем есть кака-то система? Когда слушаешь его, ясно, что а приемник стучится разумное существо. Оно пытается говорить с нами на языке электромагнитных колебаний. Однако все попытки привнести их на слух оказываются безуспешными. Из сотни тысяч радиослушателей едва только тремстам открывается смысла таинственной передачи.

Как это ни странно, но ясное достижение современной техники — радиоприемник, сделанный машина — имеет нечто движущиеся части. Их структура, их подлинность, их чуждость в этом смысле рождаются в прошлом столетии швейная машина сложное радиоприемника. Электрические процессы в основном протекают по цепи проводов и пустотам стеклянных баллонов. Но у тех трансформаторов, которые используются в составе приемников появились движущиеся части. В составе приемника имеется маленький электромотор, приводящий в движение легкий металлический диск с пробитыми в нем по спиральной линии отверстиями. Ко-

в каждом данный момент луч просвечивает только через одно отверстие диска.

Представь себе теперь, что в трехэтажном приемнике такой же диск вращается строго согласованно (спирально) с диском пластин передаточной станции. Поставим с одной стороны диска небольшой экран, а с другой стороны — источник света. Нам остается добиться одного: когда зайчик на передаточной станции попадет на светлую, отражающую поверхность, прорытый наш источник света даст небольшую яркость. Когда же он топит в поглощающую свет тенишек точка объекта передачи, пускаться гаснет и наш источник света. Получится на экране точная световая копия изображения. Если нам удастся обработать всю поверхность зайчика в $\frac{1}{4}$ секунды, то для зрителя пророченный зайчиком путь сойдет в одну сплошную картинку. Если зайчик на передаточной станции оббежит человека без пылака среди каких-то приборов, то и на трехэтажном экране малаяк тоже человек без пылака среди каких-то приборов.

Все это, если смотреть со стороны, совсем просто. Но как же этого добиться? В том-то и дело, что на передаваемое изображение устремлен не только наш взгляд, но и протекание аналогичного фотоэлемента. Представь себе баллон обычной электротехники, изолируй покрытием тонким слоем светочувствительного металла. Только небольшое круглое отверстие даст пропуск свету внутрь баллона. После светочувствительным слоем помещено кольцо, спираль или небольшая пластинка. Светочувствительный слой имеет спиральный вывод тонкой проволокой выведи наружу. Такой же вывод имеет и установленный внутри баллона спираль или пластинка. Включим баллон с его двумя выводами а электрическую цепь, и разумеется, мы увидим что в этой цепи не получим. Но стоит только луч света упасть на отверстие на светочувствительный металл, как тот оббежит по цепи, просвечивая через пустоту баллона, пользуясь той локальной энергией, которую дает световой поток способный электронам, содержащимся а светочувствительном металле.

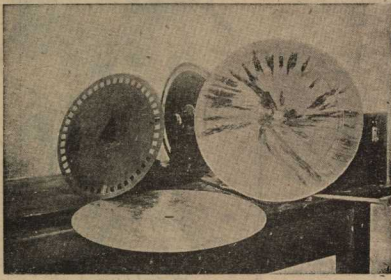
Телевизионная установка

то достаточно явиться какому-нибудь ничтожному препятствию между нами и его источником, как не устает его не излучать. Теперь же не из-за угла, не из-за стены, но через многие сотни километров, куда-то только ни достигнет электромагнитный сигнал, — ясное изображение происходящего перед вертящимся диском может, как на экране, отразиться на экране. Если недавно в глухой тундре и в случаях раскида по нашему было принято не только колесо Михаила Ивановича из Андреевского зала в Кремле, но и поставившие карандаша а стальной так, что, заложив глаза, можно было себя вообразить смельчак в детективном кресле, то теперь нам обеспечена возможность вочию видеть: всеобщим с ед стороны, парад на Красной площади, последний фильм Советиона, пропускать любые доклады, сопровождаемые чертежами а иллюстрацией

ДЕЛО ЗАВИСИТ ОТ НАС

Новый фактор, по мощности не уступающий радио и кино, вступает а жизнь. На Западе оно уже несет обычную службу капиталистической пропаганды. Не достигнув еще технического совершенства, телевидение прорвется на тысячи домашних экранов создающиеся сейчас или последние берлинский боевик.

Развертывая свой фронт в течение двух лет советское телевидение начинает догонять американу с тем, чтобы перестать. Уже сказались на экранам наших телеэкранов лекция а достижениях пятилетия, басня Демьяна Белогого «Гетца Дома и поп Папирот». Уже берется установка на передачу Красной площади а дни пролетарских торжеств. Советская промышленность заочист а установке электрического газа для наблюдения над процессами металлургии, для централизованного управления высоковольтными коалями, для наблюдения за ходом рыбы на рыбных промыслах. Нам предстоит бой за технику дальновидения, за вооружение молодежи аэлектрическим газом.

Диск Нипкова для перфорации светов

что оно имеется еще рано приспособление, главной частью которого служит небольшая зюбка. Спринтер радиолобителя, что это такое, и он вам ответит: синхронизирующее устройство. Но и это еще не самое зюбка рода наш выходило.

Самое странное это гдет в моторном параллелограмме, великой известной болонне синтетической коробки. Нам не проснут как-то изображение. Вот оно выступило совсем ярко: человек без пылака среди каких-то приборов. И еще более удивительно вот что: человек вдруг начинает двигаться. Он поднимает какую-то сламку, смачивает ее завит и потом снова ставит на стол.

Теперь мы понимаем: странная передача, о которой мы говорим, — это передача по радио движущего изображения. Если мы еще недавно были свидетелями огромного прыжка, который совершало кино, аэровоктор, сейчас мы — свидетели другого прыжка, который совершает радио: оно стало ярким. Безбрежные возможности открываются в связи с этим. О них речь вперед, а сейчас остановимся на деталях этого, почти извращенного макуй и техникой решительного боя.

ВКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ГЛАЗ

В таинственной студии, из которой передаток изображения, мы могли бы увидеть, как по всей площади изображения движется скользящим небольшим зайчиком. Он не движется обгает все изображение, строчка за строчкой, как буквы убоистой печати бегут через страничку книги. Зайчик попадает на светлую поверхность, которая отрабывает лучи, но тут куда, в которой они топят. Он отбрасывается, отлет зайчик, сильным источником света, поставленным а вертящемся диском, в котором пробиты по спиральной линии отверстия. Благодаря небольшой рамке

РАДИОТЕХНИКА ДЕЛАЕТ ПРЫЖОК

Первое опыты, показывающие основанном для создания фотоэлементов, боваюсь технике для разбега, который обеспечил радиоприемник от слопой передачи к передаче изображения.

В технике передачи как будто имеется возможность передать только неподвижное изображение. Однако опыты, которые зайчик с еще большей скоростью, чтобы он в $\frac{1}{4}$ секунды успел на один а много раз оббежать всю площадь передаваемого объекта. Как только мы этого достигнем, разрешим нашему человеку без пылака ожить и поднят какую-то сламку, чтобы посмотреть ее на свет. По ходу же закону, который имеет в основе кино, глаз не успеет забыть первый кадр, как заспрингует уже второй, смещенный, и изображение задвигается мотором параллелограмме как зюбок свидетельстве о том, что техника совершила свою овертуру победу. Наши старые представления о многих предметах и явлениях сокращаются вырбоним.

В самом начале зюбка вода доходит до нас и через стенку и из-за угла, что же касается света.

Телевизионная установка

Людях, которые входят в жизнь

Фабрички вырабатывают новую порцию рабочего класса, порцируют людей—строителей второй пятилетки. Как живут фабричанин, каков их быт, как формируются их общественно-политические взгляды и стремления и т. д.— вот вопросы, отнюдь не маловажные для комсомола, обыкновенно неустойчиво заботящегося о классовом социалистическом воспитании фабричанинов.

В очерке А. Кронгауза о Люберецкой школе ФЭУ показано, что там, где воспитательная работа комсомола среди фабричанинчиков ослабла, где отсутствует партийно-комсомольское единство, там среди рабочих подростки «блуждают в жизни», не встречая должного отпора, классовый враг, Синаидирида в таких случаях на примере Люберецкой школы, «Синька» привлекает к этому материалу внимание всех комсомольских организаций.

Двор голландской печи открыта. Красный оглобел огни, словно живые, развешены по комнате, он пролетает над ее лезьям рдлом крошечки, он освещает модаие лица у нагретой печи. Сегодня здесь тепло, заключенные котелки, наполненные картофелем и шпеном. Гретора в огне. Робота разговаривают спокойно, негромко. Завтра выйдут в лес.

— Идешь же? У идельце богатая была жизнь. Да...

Ученик Люберецкого фабзауца Субботин ярко и подробно описывает бурное видениевое вождя, махиное его оделью, кроваые волчки хвоста на красной голое...

— А у нас тут валения воруют,—совсем неалично замечает кто-то,—буато свои все, а воруют... Беда, ей-богу.

— Да ну тебя с валескими твоими,—отмывает се Субботин,—проща из небос.

И продолжает рассказ:

— Добрастий бы вождь Эвалтой бралет... — На производственное совещание разне слаить,—воруют один из слушающий Субботина.

— А что там делать?—второпыльно замечает Субботин:—как они к нам, так и мы к ним. Почему получи не даю?

Он умеет говорить складные и вразумительные друтих фабзаиче, и не всякий способен с ним спорить.

В другом конце комнаты двое ребят высветят вскалбнемннм картами. Один читает отрывок местной газеты. Из коридора доносятся песни. Девушка поет:

— Гоп со смычком, это буду я. Гражданин, послушайте меня!

Вспыхивают электрические лампы. Обсуждение фабзаиче, уваренное только что красными банками огни, становится внезапно серым и грязным. На одной койке сбоясь темное оделью, под ним нет белья. На другой—гнетная от грязи подушка. Все сидит в рабочих костюмах прямо из постельки нет бурбоуток. Девушка, что пела в коридоре, заглядывает в комнату: Эх! эх!—критит она:—чистеи от свиногожи развелии!

У комсомолов-ученик—из соседней комнаты—белые наволочки и навалики, стелы, расчешенные намокшударины, забитый порядок.

В случайных словах, в грязных подушках, в истерических игривых картах, в укарелных валесках, в идиельном рассказе, замешанном лекторым роботаи производственное совещание, в вайи фразе Субботина—во всем этом слышат тревожае да нас, живное, чудное комсомоломному фабзауцау.

Многие миллионы затраченных рублей. Десятки тысяч руководителей. Неземная работа большинства. Новые люди, которым теле бы победить рабочие привычки и пережитки прошлого. И вдруг—грязный налет.

Школа ФЭУ люберецкого завода имени Утмомского отнюдь не может быть названа худшей школой. Можно было бы рассказать о хороших! Последний номер партийный и комсомольский комитет завода яркело заикал за ФЭУ. Первые удары по чуждым людям и их влияние научили товарищей многоту. Несколько упорных дней работы показали, как можно и нужно побеждать. Начала сделано. Путь намечен.

От вечных льдов до южных морей протянулись большевистские заводы. Дети с разным говором, с разным цветом кожи готовятся в фабрично-заводских цехах стать кадровыми рабочими этих заводов. Молодые начинающие комсомольцы проходят индустриальную выучку, закаливаясь на смену старым комсомольцам, готовятся стать костяком мощного комсомольского организма. Много есть в этом отделею, нового вселеняемого в историю мира. Но не об этом се

годаи ныли слова. Сегодня—о чужом, Сегодня—об иезвистых коридорах, по которым идет чужое...

— А ведь школа ФЭУ люберецкого завода имени Утмомского—не худшая школа...

Я кунок!—сейчас надо обесудит... — Беда нас обойдет! — Но ведь ты комсомолец... — Ну и аааа! Скажы раз, и хватит... — Гее ведь было поручено... — Вот пристал еще! И Икубик проходит мимо заводского активиста, недовольно отерувшись.

Этот человек окончила фабзаучу. Он остается комсомолом. Но его не интересет комсомольская работа: «Без нас обойдет!»

Какой план вашего завода по тере былае? — А кто его знает.

— Как же ты не интересуешься? Ведь ты будешь рабочи этого завода. Последний год учился в ФЭУ.

— А тут не буду работать. Меня на локализация обучают, а тут только сбормишь нулды. Доучусь, а там не знаю как. Вон Вышка за тожарь кончила, а ето светлоризком поставила...

В школе ФЭУ готовится чуть ли не 18 специальностей. Здесь готовят того угодно, только не рабочих, нужных заводу.

Ударник декрет правительства о прогдуциках. Лома руины и вражеской расхлбавности. В школе ФЭУ—тишина и неподвижность. Никто декрета не замечает.

В течение дня ушел из корпуса человек: один ребеи с белыми упресками и ружах. Один был отущен с занятии по домашним обстоятельствам, другой—за карточной, третий—за беаьем...

Серьезные прогулы, заштрениые малой проусок, дополнил прогулы едетяе. За 40 дней прогулы по одному дню 11 фабзаиче.

В канцеляриях Люберецкого завода можно часто увидеть чрезмерно затанутых девушек—сотрудниц. Иному иезвистому человеку может показаться, что видит он перед собой ксисных барышень полунститутского происхождения. Как бы поразился такой человек.

Она с радостью сменяла высокую индустриальную ива-дивизию на червоборчий канцелярский труд.

если бы сообщить ему по секрету, что вот та, что ноку дебу, а дугая, с рудиршами,—сесарь-инструментальник в проекте. Она с яростной готовностью бросила резеи и пишу, вооружившись ланкой входящих и канцелярскими ножицами. Она с радостной готовностью сменяла высокую индустриальную квалификация—в этому их готовила школа—на червоборчий канцелярский труд. Она торопливо вытравляла на своих ладонях микро-копировские частицы стальной пыли. Станок и грезил оставал для них тивини же чулуны и не-притрабны предметами, как в профий случайной дель, проведенный в гремячем челе миллионистского завода. Комсомола тоже стаа для них почти чуждым. Им не интересе.

Свечкина, Овсеникина, Николаева...

Кто у телефона? — Секретарь комсомольского комитета — Говорят по станции. Человек теле комсомолец сбейла с суботника по разгуге карточек.

Эти отдельные штрихи. Но они сав заны крепко друг с другом. Это штрихи развоудия, же меньше опасное, чем прямые выходы врага.

Педагог Дворничков не может простить советской власти потерянныи им колчаковские зполет...

ОПТОВЫЙ
МАГАЗИН
СУББОТИНА

Фирма «пр. левitaria» Субботина

Имена людей, названных в этой статье, слышали Союз. Но они не одиноки. Можно было бы назвать и все того, что переименованы и имеют отношение к собранию в то время, когда партийный секретарь толкает о запущенных тракторных частях. И то, что, топя каблуками, уходит из завода в самую горячую минуту производственных споров. И то, что приобретает газетой: «Ничего заманного? Ну!»
Можно быть уверенным, что такие же спокойные и равнодушные люди имеются и на других заводах и в других школах. Это тревожные слова, но в то же время мы не учим, чего не делаем, что-то не сумев сделать. Думаем, что «оба нас обидели».

Говяды тут неважны. Первый извлекательный коридор ведет от методов приема в ФЗУ учеников и педагогов. Принимаем спокойно и равнодушно. Заботимся о цифре учащихся, о замолчанности штата учителей. Принимаем всех желающих. Читали заявления и накладывали резолюции.

Несколько подростков подбежали к баку с водой. Первым завалом в кружку неблагородный чернотелый паренек. К нему подошла другая:
— Дай вкружку!
— Я люблюй вала...
— Дай, тебе говорят, животная мораль!
Это кричал новый ученик Панфилов.
— Ты кажется в комсомол собираешься? — усмехнувшись, спросил чернотелый.

Но Панфилов в ответ только крикнул: — Вей любовь, спасай Россию!
При этом присутствующие присутствовали несколько по фабричке. Они подняли шум. Панфилова в ФЗУ исключили. По документам, имеющимся в школе, не было ничего о нем узнать.
Несколько месяцев назад он приехал в Лобериди, подав заявление заведующему ФЗУ, сообщив, что он беспартийный, из крестьян — и все. Поставить на завод мог любой человек без особого труда.
Комсомольская ячейка решила после этого случая провести с учениками беседы об антикоммунизме. Вместе с другими наделными людьми беседу в одной из групп должен был проводить педагог Дворников, но совсем трагичный, но повидимому сферический человек. Он बहुत согласился на это.

— Товарищи, — сказала Дворников на одном из ближайших уроков, — как вам известно, слово — не воробей, вылетит — поймаешь! Вот выделит к примеру слово у Панфилова, и видите, что из этого получается.

Ученики исторически слушали слова Дворникова. Он внезапно понизил голос, оглянулся и удовлетворенно, что посторонних нет, добрым.

— Надо знать, где говорить и с кем говорить! Понятно?

Но многие фабрикам по-своему поняли слова Дворникова. Они заинтересовались...

Педагог Дворников не мог проткнуть собственной власти вторичных гадунов штабного комсомольского офицера. Только особый случай заставил многих людей поинтересоваться библиографией этого сибирского дворянина.

На это закончилась его карьера. Так же не оправдалась надежда, главный комсомольский активист завода готовый магазин, солидная фирма «пролетария» Субботина, о котором первые наши строили.

Занятые бывают случаи, право. Вот например пришла на Лоберидский завод какая-то женщина и сообщила, что в 26-м отделе работает секретарша комсомольской ячейки светлицкой школы Гагарина. Какая веселая неординарность для московского комсомола!

Рынок. Заключили. Иногда отдаленные удары. Это мы умеем. Но неизменная повседневная бдительность многим кажется тяжелой и необязательной.

В комнате девушки, в 25-м бараке идет разговор. Приехали гости из Москвы. Расспрашивают дежачку о жизни, о работе. Дежачка отвечает скупо и сдержанно. Они расспрашивают о том, что все время не давая денег и приходилось мерзнуть, о том, что получили не выдают с опозданием, а сахар прошлым месяцем и самым конце. И вот еще тащат ветку и делают ладок наверху в кулуарах школы и ладно на них не садит. Да по вечерам пот скудно, ничего делать...

— А кто же в этом во всем виноват? — спрашивают приехавшие люди.
— А мы уж не знаем что виноват. А жаль плохо.

Выводят конечно местный комсомол, местный профсоюз. Выводят местная партийная организация. Они видно похвально, пока Катанович подвезли им дров от станции до жилых корпусов. Это они считали должно быть что стипендия фабричному студента меньше, чем зарплата счетоводу. Это отныне руководители активистов заявляя, что шапки давать в общежитие опасно, а то, чего доброго, ребята станут играть на деньги. К словам девушки из 3-го барака можно добавить еще нечто: работу помылишко, скуку в кубке, полутьму, ватные у ребят для дезинфекции и задержанные неизвестно кем.

— Мы знаем, что виноват, но враг стремится сделать грань между местными негодниками и советской системой. «Как они к нам, так и мы к ним» — говорит он, вспоминая всякую запоздалую зарплату.

Если небрежный, равнодушный прием людей в ФЗУ мы назвали первым явным шагом коридором, по которому двинулось к нам чудное, но несомненно к мелочам бита фабричек оказалось вторым коридором.

У одного из членов базового бюро комсомола спрашивают:
— Почему ты никогда не ходил в барак к дет-домовцам?
— Слабо. Сами идите. Там еще морду набьют!

Пониманию так же, как и он вам почти так же, думают многие, ибо в общежитии к фабрикам ходят преимущественно всевозможные обеспокоенные активисты выступают здесь главным образом в притесненном по докладам ФЗУ.

Легко себе представить, удастся ли таким образом декорировать из быта пережитки прошлого: хулиганство, ругань, воровство, пошлые люди, известные нам только по их заявлениям. И вот тут-то появляется титаническое скрепящий третий коридор.

Большинством агитация и пропаганда — огромная сила. Несколько раз вчитанным собранием по молу заводу назвать чуждые элементы из школы и превратить прогулы среди фабричек. Хорошая культурно-бытовая работа может всегда избежать скучное время усталости. Сейчас после гула можно встретить на лоберидских дорогах бывших игроков в карты, в руках у них дымные пакки, они увлеченно катаются на асфальте.

И вот, когда мы забываем о том, что надо непременно работать и организовывать здоровый комсомольский досуг, тогда-то и начинают действовать третий коридор: агитировать и пещать берется тогда враг.

Чтобы победить, надо знать людей, с которыми работаешь. Но бывает и так:

Во 2-й группе ФЗУ состоялся выбор комсомольской группы. После долгого обсуждения выбрали одного из ребят. Представитель ячейки предупредил, что комсомолу только члены союза.

— Кто за?
— Никто не поднял руки.
— Кто против?

Опять никто не голосовал.
— Почему не голосуете?

Оказавшись среди собравшихся не было ни одного члена союза.

— Как же так? — повернулся представитель к группе, но тот сидел очень смущенный:
— А я и сам не член союза!

Теперь ребята подвели дрова. Вышли два куска сахара. Получая два куска — из первых денег. Их дали «возможность» второй раз отдавать перед вечером. Их освободили от воров, кублатых пропагандистов (не всех) и их покровителей, «не замечавших ничего особенного». В ячейку ФЗУ шла несколько проверенных товарищей. Есть даже подозрение, что в спорном времени здесь появятся сканькин, шапки, галеты, чистые башмаки.

Решают люди. Стояло заводским организационным захотеть — и сдвинуто с места равнодушие. Условие для отлучки работы есть. Не надо только давать отныне угасать, и тогда исчезнут известные пути, по которым пролазали и проползали в школы ФЗУ враждебные люди и дроз.

ЯК. БЕЛИНСКИЙ

МАРКС И „НАЦИ“

Штыками, винтовкой, похоронив связью
Появлялся Адольф уничтожить марксизм.
«Hoch Hitler!» — вопил чернотелый сброд,
И против марксизма объявлен поход.
Шагаю по ушам храбрые «наци»,
Срывают с ваворон листки прокламаций.
В огне добросовестно гибнет рейстаг,

И слышится в небе полонезы стег.
Дубинка над Вейдлингом подвигает мигом,
Плываю на влодах марксовы книги.
В дом Маркса ступила полицейской шаг.
Трубит, шаркающая, реакция рог!
Но нейтрально сквозит из президиум
Дыхание красного манифеста.

Крамольной иди канюк оголенный
Звяк в кулаке пяти миллионнов,
И несая отпора растет, а не тонет
Над мостовыми Нейслейна, Альтонин!
Своят, успеваешь над навзвиранным миром
Несокрушимый гигант на Трива.

РЕЙС „СИБИРЯКА“

(Очерк третий и последний)

Медленно покачиваясь на мертвой зыби, чистой водой, в густом тумане плывем в далеком отдалении материка, где еще и нетерпеливо ждем четверо героев-зимовщиков, проводивших два долгих, полных испытаний, года на северном фронте советской науки.

Плотный туман, темным занавесом закрывший горизонт, заставляет идти медленно и осторожно, поминутно давая сигналам гудком в расчете услышать эхо при приближении к скалистой берегу.

Капитан Воронин — с раннего утра уже намычу, и привязанной к вершине мачты десневый бочек — наблюдательного поста, откуда он в бинокль пытается нащупать где-то совсем близкие, но невидимые нам берега.

А берег где-то совсем близко; днем старший помощник капитана Ю. Хлебников приснобуждал, что мы находимся на тумане острова Булавинка. Но по соображению определить нет возможности — туман тогда совершенно скрывает обочье ярого в Арктике светила.

— Ну и дела, — возмущает плечом проф. Шмидт — только подуть — полыхнет к Северной Земле чистой водой. В истории полярных навигаций еще не было такого прецедента.

— Нувишество, — смеется кинорежиссер Шнейдеров, — деловито обратно. Где же Арктика? Что слышать нам прикажете слышать на Москва-реке, что ль?

Заметно упала температура воды и воздуха. С севера несет нестерпимым холодом, точно завалив закрытую гигантскую форточку. Темное море неожиданно приняло изумрудно-зеленую окраску. Вынырнув из тумана, мимо борта, медленно покачиваясь в такт волнам, проплыл огромный, завысивший прибоем заблудивший айбур.

Холодно. Все валкиши огромные тяжелые айбушеры, подтаян меховые портянки, но с пальцем не угодит; а вдруг расплыться туман и покажется давно желанная земля?

И вдруг раздался тяжелый звонко-гудящий и вдали показавшаяся седая клоуна-мгла и вдали показавшаяся ламинка, бурый, изрезанный заливными кайма островов Сергея Камeneва. На вершине мачты, упрямая в облака, под охраной сурового стража — синего айбурга — выскочил длинная стрела антенны, а рядом, прилепившись к мачте, — маленький домик научной радиостанции. С берега отдалась в клетку на тряхавшей воде, помелькая навстречу «Сибиряку» красневшая моторка под красным флагом. Нам машут руками, возможно кричат.

Бот они, анонимный, радостно умбаболающ, по-аляскински, обостренными суровыми неграмми. Протынутые руки подхватывают начальника Земаи Северной — Ушакова, и Шмидт сливается с ним в лагерь обития.

Десять минут привестий, рукопожатий, и в уютно-компания Ушаков простыми, сухими слова-

ми рассказывает о том двухгодичном миге, который отдала четырех смельчаков от жизни республике.

Их четыре — крепких, выносливых, неустойчивых людей. Сын Амурского казака, Ушаков, своей исключительной настойчивостью добился получения образования. С первых дней революции — он в Кларской гвардии, а затем во время интрижки — партизан в Уссурийском крае, в отряде Терентия Петрова. В 1926 г. уехал начальником на остров Врангеля и борется там бесценно три года.

За героическую работу он был награжден орденом Герою своего прекрасного имени.

Человек исключительной работоспособности, спокойный, уравновешенный, он — истосковий тип советского полярника.

Его ближайший помощник по научной части — Урванцев — получил большую известность многими исследованиями Таймырского полуострова, где открыл Норильский каменноугольный бассейн.

Во время исследования неизученной реки Панына ему удалось найти почти погибших сотрудников экспедиции Ангулосова в 1918 г. В 50 км. от этой находки он обнаружил брошенное спальное меховое одеяло, джипы, пакеты, свидетельствовавшие о том, что человек шел выбиваясь из последних сил, бросая все лишнее. Наконец на коротком каменистом склоне, всего только в 1¼ км. от радиостанции Динской, он нашел скелет охотницы.

В том же году он открыл в Норильском районе богатейшие полиметаллические месторождения руд с содержанием платины.

Третий колликт Северной Земли — 24-летний комсомолец Вася Холод, председатель ленинградской секции юрочных работ, и вдовец промышленника Иван-августович, с 25-летним полярным стажем, уже зимовавший на Новой Земле — Сергей Дуравлев.

Географ нашей экспедиции — Гавжель — подводит Урванцева к стене и показывает ему только что выпущенную карту южной Северной Земли, составленную на основании радиопередач от зимовщиков.

— Ну, товарищи, — смущенно улыбается Урванцев, — это все, что хотите, только не Северная Земля. Вот подем к нам, на радио, там я вам покажу истинную карту. Новая Земля состоит из 3, а не из 2 больших островов, как здесь показана. Нужно писать целые книги, чтобы передать ту огромную, исключительной ценности работу, которую провели колликсты за два года зимовки.

В динке бураны, в 47° мороза на собаках, ноу в силу и в толкми брезентовых плащатках, лоды обоман все Земаю, впервые в истории составили се точную карту, проявив детальное изучение геологического строения земли, обнаруживая магнитные аномалии, ценные ископаемые и собрала богатые коллекции фауны и флоры.

Сквозь на берет, осмотрев станцию, огромные запасы набитых за зиму медведей, морской, тюленей, бедах и песцов, мы возвращались на ледоход: в-

до было выплыть, лам предостоя еще огромный, тажедкий путь вперед.

В наиболее удобном варианте для «Сибиряков» был вынужден обойти к югу и затем мимо северной оконечности Аламыса Челюскина, проливом Вилькицкого — на восток к Берингову проливу.

Так, собственно говоря, следа бы каждый исследователь, имея Тьерод задание — пройти Северо-восточный путь к одну планетиде, без зимовки.

Но О. Ю. Шмидт неожиданно выдвинул другой интереснейший, но чрезвычайно рискованный вариант. Он рассуждал так: поскольку нам в этом году везет, поскольку на всем нашем пути мы не встретили особо тяжелых льдов, не следует ни нам воспользоваться благоприятными условиями и попытаться обойти вокруг Северной Земли, т. е. побыть там, где еще не был ни один из полярных исследователей, ни одно судно в мире.

Тральщик «Уссурийск» вала на брусек «Сибиряков», во Тральщик «Уссурийск» вала на брусек «Сибиряков», во Тральщик «Уссурийск» вала на брусек «Сибиряков», во

Итак, курс юго-запад. Медленно разрастаясь своей стальной форштевень «Сибиряков» и вышла в открытое море. Широкие льды, огромные горы волн расстелили поверхность Ледовитого океана. Шторм — 8 баллов.

Действительно, нам везет. Куда ни взглянешь — волны, волны и ни одной лавинки. Вечером, на закате багрового солнца, прошипела самая северная конечность Северной Земли — имя Молотова. По-прежнему чистая вода. Но лишь только свернула на юго-восток, как случилось первое прошиптание: мы попали в ледяную песту.

Широкой белоснежной скатертью, без единого намеча на полярный или разлоде, раскинулась алая пустыня. С огромным трудом и напряжением пришлось отстоять каждый метр. 6 дней шла изнурительная и тяжелая борьба с суровой природой: 6 дней вдуху дрочал от взрывов аммониа, при помощи которого люди старались добыть себе свободу. Продвигались вперед медленно, иной раз на половину курса судна за 4-часовую вахту. Все, что впервые плавало в Арктике и полярной: «Ну где же трудности пробирания через льды?» — теперь были удовлетворены полностью. А вдали, на юге, — светлая водная полоса освещенного солнцем льда. Так — открытое море, тем тепло, там свобода, до которой еще только 25 миль.

И лишь на седьмые сутки мы вылезли из льдов. Вперед, насколько хватала глаз, белая чистая вода.

Устье Аламы, бухта Гиски, Новосибирские острова, устье Колымки — все позади.

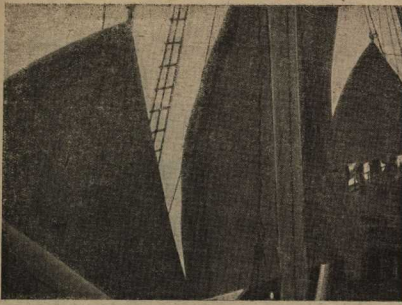
Уверенно заканчивая экспедицию, выполняющая задание правительства, «Сибиряков» приближалась к цели своего путешествия — к Берингову проливу. Ничто, казалось, не предвещало несчастья. Ледоход шел вдоль вальдических гор побережья Чукотки, с легкостью форсировав ледяные полы.

И вдруг — огулашительный треск, отчаянный крик. Весь ледоход, словно вверх, поучивший ра-

У острова Колчачи «Сибиряков» форсировала тяжелый лед

После потери дощестей «Сибиряков» поплава на ярусах

ниие, सदरतुна от снмного удара внта о лед. — Что случилось? Ум не лаврия ли? — Вот «кутин» поплава был написан на всех ярусах.

На момент наступила полаянная тишина, и вокруг поршин машин, почувствовав облегчение, с другой быстротой закрутились в бошечном танце. Сверху тускло звенела авионка телеграфа, и машина была моментально остановлена.

Как утробе, сорывавшее со своих мест и выбегавшее на палубу. Темно, лишь луна серебрил тенью поверхность редких поплавок. Небо змурое, со седыми спешавшим куда-то облаками. Леды, тихо шурша, трутся друг о друга, танцуют бесемеленный крутящийся танец.

Словоз тьму и туман вику поблаженнее накуренное лицо проф. Шмидта, суетящегося Возмута и мрачного проф. Вязе.

— Быстро, шотам-трап, — командует капитан.

Привала веревочную лестницу в поручик, вина, в воде, спускается старший штурман Ю. Хлебников и три помоща фонаря ледно идет глазами то место, где должны быть дощести.

— Конечно, — объяил Хлебников бригаору, — дощести у нас нет. Проклятый лед обломал.

Наступила тишина. Шмидт опустил голову, глаза капитана наполнились слезами обиды, и я с ужасом подумал, что этот морской волк, этот гигант, вот-вот разрыдается. Но люди Арктики не привыкли к отчаянию.

Снега дощестей проваливались среди льдов...

— Продолжение еще не безнадёжно, — убеждает на собрании Шмидт. — Все зависит от нас самих, и ни от этого больше. Надо немедленно переплывать уютом и двухгодичный запас продовольствия из заднего трюма в носовой, чтобы порма поднялась вперед и меканики смогли сместить дощести вентил! Работать будем все я... в топе, — словно смутившись, продолжал он, — побуждено, через каждые 6 часов, — круглые сутки. Время не ждет. Внеорди- близкая зима и полаяняя ночь.

— Ну как, сделаем? — испугу людей, взгляда Шмидта скользящу по собранию.

— Есть — сделаем, — дружно ответил состав. И идеали.

Уже через 2 минуты приступила к работе первая бригада. Шесть круглых

суток поспешно до завершения работала весь состав экспедиции — от научного работника до матроса.

Время не ждет, зима на носу! А по тому долог не только день, но буквально каждый час. В один день задуло нормовое ветра, открытые помпши затянет нормовым льдом, и тогда — зимаюк, прощай, свобода.

Настойчиво и упорно шел в побое арктический коллектив. Скола 1200 пудов за время арвала пришлось каждому перенести на своей спине.

Медленно выполазла корма из воды, медленно показавшись руль, а за ним и винт. Но вытаскивать дощести на поверхность воды нам так и не удалось — груз исхителен.

Но и это несчастье не остановило нас, упорно добывавших себе свободу. По докоть в ледяной воде, при температуре минус 1° (солёная вода замерзает при более низких градусах) присутствия механики и смеле дощестей. Люди замерзали, охула обмороченные руки, но дощести все же смелили.

16 сентября под громкое раскатые «урва» ледокола парня и в смелости начал дробить ледяные поля.

Но радость была кратковременной. Жесткая Арктика на каждом шагу ставит препятствия.

18 сентября проломил север и последний удар о гигантские льды. Мы остались без вента и вва- — все пошло ко дну.

Теперь наше положение было не только тяжелым, но отчаянным, ибо если бы мы даже и имели запасные дощести, то ставить их было не на что: отстает колесо вала.

Мы шли туда, куда нас тащило ветром, течениями и дрейфующим льдом. Твидро осознал всю опасность положения, понимая, что во что бы то ни стало надо спастись из ледяных объятий, мы приняв все меры, чтобы двигаться вперед. В Берингову проливу, до которого оставалось едва 150 миль.

Чтобы помочь «Сибирякову», которого немедленно окрестили «барной ледокольной тина с паровым отоплением», весь состав был мобилизован на подготовку к арвальным работам. День и ночь дух стоял от жарыно вмоннала — это мы рували напарною на беспомощный ледокол льды. Мы старались идти вперед, но течения и ветры нас гнали то обратно, то в сторону. Люди выходили на лед, тащили на палубе якоря, соединявшие их с торосом и медленно подтягивали судно на лебедке.

Это были жуткие дни бешеной борьбы за жизнь, за свободу. Безд помукать только: местные против пятисатки суды и завазовать у самого финиша! Сама история, капитанская гордость Воронина, крепко вставала против беспомощности. Но... что делать? И вот, когда казалось, что спасения нам нет, когда весь персонал стал готовиться на зимовку, — напши ставились последние на помощь пришел ветер, разогнавший ледяные поля и помогший нам выйти на чистую воду. Это был не забываемый праздник побед.

Впервые в истории исследований Арктики Северосточным из пачих якорей, соединявшие в одну навигацию советской полярной экспедиции.

На горизонте показавшая серой пинкой стелющаяся туманка, это сплошная рыболовный тралячки «Усуреин» взят нас на буксир, чтобы отвести в док, на ремонт. Целый месяц в динях шотаме ботаваса «Сибиряков» на стальном тросе, пробираясь в японский порт Иокогаму.

А однажды утром в кают-компании влетел раскрасившийся радист Френкель и стукал в руки проф. О. Ю. Шмидту уютную бумажку — только что полученную радиограмму: Сталин, Молотов, Ворошилов и Иосиф подарили состав экспедиции с победой. Снова был правдивик на ледоколе.

14 ноября ледокол вышел в порт Иокогаму и немедленно стал на ремонт, чтобы возможно скорее отправиться в Белое море на вероубойные промысла.

Широкая японская общественность и научные организации очень тепло приняли экспедицию. Во многих городах состоялось доклады участников похода и обсуждение достигнутых результатов.

Служба посылала весь состав экспедиции выехала на японском пароходе во Владивосток, исключая команды, которая поехала «Сибирякова» через тропики на север — в море Баренца.

СОДЕРЖАНИЕ		
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ		
Л. Кисель — Списание на водах	4	Отр.
С. Диковский — Юность	7	
М. Гольдберг — Первый стинина несча	12	
М. Аронян — Что выла Маркс	15	
В. Коробов — О Лениным и Сталиным в Крым-де (воспоминания)	16	
М. Роме — Турция — на степе!	18	
В. Кожевников — Хулиган	20	
М. Нонин — Последний батаре	22	
Л. Берман — Радист дельца	27	
А. Кронгауз — О людях, которые входят в жизнь	28	
Б. Громов — Ред. «Сибиряков»	30	
СТИХИ		
М. Голышев — Помылавка	24	
Е. Андреевич — Любовь	24	
В. Зымакин — Мой лес	26	
И. Белинский — Маркс и епаше	27	
С. Шахматов	29	
Учитель у Сергеевича	3	
ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА		
В. Нибер — О чистой лирике и о стихах	26	
Безруков		
Новая картина художника А. Рясновина		
Карл Маркс на Гамбургском конгрессе Интернационала		
Новая картина худож. М. Яри-Бейи — Над		
смертью молодой Карла Маркса	11	
СПЕЦИАЛЬНИ		
Р. Сварога, Л. Софферинс, В. Васильева, В. Вревкина		
ФОТО		
М. Калашникова, М. Кузнецова, П. Новичкова и Соколовото		
На обложке: т. Ф. Перенджин, секретарь		
лучшей на Уставле колхозной экспедиции		
Фотолучи молодойной бригады арктика		
«Барной» прогресса.		

Московская весна

Уходит последний лед